

НИКИТА ЦОЙ

ВДОХНОВЕННЫЕ

18+

Никита Цой

Вдохновенные

<https://litres.ru/73769182>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вдохновенные - одаренные, колдуны, маги - называйте их, как хотите. Все равно это не изменит реальность, в которой им приходится служить тем, кто стоит у власти. Церковь контролирует все: короля, министров, умы простых граждан. И этот порядок вещей устраивает далеко не всех.

Опытный стрелок и бывалый наемник по имени Хено разыскивает потерянную сестру и одновременно с этим прячет от всех загадочную молчаливую напарницу. Но он не подозревает о том, какой страшный секрет она хранит.

Содержание

Песнь Скита	4
Глава 1	78
Глава 2	96
Глава 3	130
Глава 4	142
Конец ознакомительного фрагмента.	176

Никита Цой

Вдохновенные

Песнь Скита

В жизни каждого мужчины рано или поздно наступает момент, когда нужно отринуть амбиции, гордость и, возможно, чуток поступиться убеждениями, чтобы получить желаемое. Временно, совсем ненадолго. Пока не докажешь, что достоин.

Так говорил настоятель, благословляя не вполне ещё мужчину, но далеко уже и не паренька, когда тот впервые в жизни посетил дом богини. И явился он не потому что вдруг уверовал или проникся желанием служить, а с корыстной, эгоистичной целью — Серб хотел жениться, за что и был отправлен сюда, в пустошь.

Громкое, отдающее болью в висках гудение пронеслось по коридору, отразилось от стен и заставило вибрировать весь подземный комплекс. Звук шёл откуда-то снизу и со стороны походил на ленивый, протяжный зевок гигантского механического зверя. Следом появился пар, покрывший тёплыми, пахнущими ржавчиной каплями буквально всё. Судя по всему, такое здесь происходит регулярно, ведь только в этом месте, среди многочисленных переходов, коридоров, лестниц,

непонятных комнат и неисчислимого количества труб разного диаметра, цвета и степени изношенности временем, можно было встретить зелёную поросль, многочисленные корни и грибы. Именно поступающая с паром влага давала шанс на жизнь скромному и довольно вонючему набору растений, которые, несмотря на кромешную тьму, чувствовали себя здесь как дома.

Серб машинально пригнулся, когда на щеку упала тёплая капля. Он поднял взгляд, внимательно осматривая потолок тоннеля, по которому протянулась целая россыпь труб из числа тех, что давно перестали быть трубами, превратившись в трухлявые остатки некогда, несомненно, важных коммуникаций. Именно эти полусгнившие артерии вели его вглубь подземного комплекса Древних.

Парень вытер щеку рукавом старой холщовой куртки и продолжил путь. В руке он сжимал тусклый фонарь-динамку. Три быстрых поворота ручки — и внутри цилиндрического корпуса зашелестел моторчик. Серо пристегнул фонарь к пряжке кармана на груди, чтобы освободить руки и надел перчатки. Дурно пахнущие лозы явно гниющего растения, свисающие с потолка, были бесцеремонно сорваны и отброшены им в сторону за то, что загоразивали ему вид и отравляли воздух, коим он дышал.

Чуть впереди стал виден провал в полу, из-под которого так же, как и на потолке, вились ржавые трубы, только здесь они были толщиной с приличных размеров дымоход и бук-

важно разорваны пополам. За ними коридор уходил с уклоном вниз. Видимо, в какой-то момент целостность подземного строения нарушилась из-за движения породы или изменения русла грунтовых вод, а может, второе повлекло за собой первое — ныне живущим оставалось лишь догадываться.

«Все кишки наружу», — подумалось Серо.

Данная мысль была не новой и посещала его уже не второй и даже не третий раз. Он выучил здесь каждый переход, каждую лестницу, но при каждом спуске сюда ему казалось, будто что-то меняется. Словно руины были частью механического организма, который вопреки логике и здравому смыслу казался живым и в то же время, согласно этой самой логике и тому же самому смыслу, живым не являлся.

На ремне у Серо висел маленький кристалл луносвета в бронзовой оправе, источавший слабое голубое сияние, а цепочка этого брелока тихо позвякивала при каждом шаге. Он перепрыгнул «кишки» и, стараясь затормозить спуск, бежал по покатоному полу. Внизу его встретила холодная, мокрая и оттого скользкая стена. Скопившаяся наверху влага стекала вниз по потолку, образуя лужу, в которую по окончании спуска хлюпнул правый ботинок.

Серо грязно выругался, когда ощутил просочившуюся внутрь воду. Выдохнул. Смирился. Проверил кристалл на поясе. Фонарь моргнул.

Три оборота ручки заставили моторчик зашуршать с но-

вой силой, а свет вновь стал ровным.

После очередного осторожного шага под ногой парня скрипнуло нечто, что вполне могло оказаться какой-нибудь ценностью. Когда он пригнулся, чтобы поднять это, каштановый локон выбился из хвоста и упал на лицо.

Находкой оказался кусок поржавевшего обода с узорчатой гравировкой. В гравировке Серо узнал часть символа, встречавшегося в настенных табличках у дверей каждой комнаты этого места. В части символа узнал переплетения линий, которые замечал только возле прямоугольных дверей, не круглых. Прямоугольной двери поблизости не встретилось.

Он не думая сунул обод в рюкзак, а затем убрал выбившийся из хвоста локон за ухо. В конце тоннеля его ждала высокая круглая дверь, внутри которой, через прорези в её фасаде, виднелись гигантские шестерёнки. Таких дверей тут было много, но именно эта уже довольно давно стала личным врагом парня. Остальные не были такими непокорными.

Две вылазки впустую. В первый раз — подвёл инструмент. Стальная кирка почти сразу же погнулась от усилия, а потом, когда Серо перевернул её обратной стороной и попытался вновь ею воспользоваться, она и вовсе сломалась. Во второй раз по определённым обстоятельствам спуск в руины пришлось начать позже обычного и ему банально не хватило времени, чтобы хорошенько обдумать альтернативную стратегию штурма запертой двери. Слипающиеся глаза и уставший мозг не позволили тогда это сделать.

Серо провёл ладонью по металлу, ощутив лишь холод и сухую корку ржавчины. От руки теперь пахло железом и чем-то ещё... едва уловимый запах озона. Эмирра?..

Брелок! Светится.

Парень облегчённо выдохнул и мысленно напомнил себе, что нужно оставаться бдительным. Для таких, как он, эмирра невидима, и к тому же постоянно перемещается. А если где-то скопится слишком много, то луносвет может и не спасти.

Серо поёжился, но тут же отбросил плохие мысли. Он пришёл сюда дать бой инженерной мысли Древних и не уйдёт без трофея.

Замок из гигантских шестерёнок, раскинутых по контуру двери, упрямотствовал, не поддаваясь больше, чем на пару миллиметров. Серо использовал в качестве рычага металлическую дугу, прихваченную им в другом коридоре. Дверь залиристо скрипела, когда створка едва шевелилась туда-сюда. Скрип этот парню казался издевательским смехом. Сплюнув в сердцах и хорошенько выругавшись, он попробовал толкнуть плечом, но это было всё равно что пытаться сдвинуть с места скалу.

Ещё раз! Металл даже не дрогнул.

Серо снова выругался. Вульгарнее и сочнее, чем прежде, но и это не впечатлило его соперника. Тот оставался молчаливым, холодным, неподвижным.

А может...

Он провёл пальцами по внешнему шву двери. Прислу-

шался — ничего. Но вот здесь, в этом месте, металл ощущался тёплым, а значит, под слоем ржавчины и стали есть нечто ещё. Механизм живой, нужно лишь разобраться, что с ним не так. Чем пытаться сдвинуть дверь с места, возможно, надо найти то, что мешает ей сдвинуться.

Серо снял рюкзак и опустился на колени перед шестерёнчатой громадиной, как перед врагом, с которым собирался сразиться. На всякий случай он ещё раз проверил, что брелок не начал затухать. Вернулся к двери. Тепло шло из нижней её части, примерно на восемь часов. Оттуда, где проходили тонкие трубки, напоминающие металлические сосуды.

— Ну давай, — пробормотал Серо, доставая крошечный молоток и клин, — покажи, где болит.

Он вставил острый инструмент под одну из зубчатых пластин, охватывающих дверь, и толкнул. В этот раз металл откликнулся скрежетом, как если бы внутри сдвинулось что-то, что должно крутиться, но по каким-то причинам не крутится.

«Клин клином вышибают», — подумалось ему, когда он сообразил, что наконец-то нашёл брешь в защите врага, после чего нажал на инструмент сильнее. Затем пару раз вмазал молотком по его торцу, и внутри двери что-то щёлкнуло. Клин выпал из щели, а воздух плеснул внутрь веками запёртого помещения. С раздирающим скрипом, напоминающим предсмертный вопль побеждённого, гигантские шестерёнки начали медленно вращаться, сдвигая массивную круг-

люю створку в сторону. Сверху посыпалась пыль, а коридор наполнился запахом озона.

Брелок! Светится.

Серо отпрянул, прикрывая лицо рукавом куртки. Когда воздух немного очистился, он в третий раз крутанул ручку фонаря и шагнул внутрь.

То, что в его фантазии должно было быть хранилищем или складом ценностей, на деле оказалось полупустым железным куполом — круглая комната со стенами, покрытыми стальными треугольными плитами, выложенными мозаикой странным, несимметричным узором. Также на стенах висели многочисленные светильники, которые, вероятно, потухли многие столетия назад. Серо знал, что это светильники, поскольку именно из них эксгумировал лампы для своего фонаря.

Комната выглядела так, будто кто-то просто вышел минутой назад, предварительно расставив всё на свои места. Такой эталонный порядок сразу бросался в глаза парню, порядок не переносившему. На круглом столе у стены лежали различные инструменты, часть из которых Серо была хорошо знакома: странные ножи, похожие на те, какими лекари вскрывают гнойные раны; стеклянные колбы со следами давно высохших жидкостей на их прозрачных стенках; штангенциркуль; нечто, похожее на шило; ржавые плоскогубцы и отвёртка.

От стен отразился ироничный смешок.

Что ж, видимо, за многие столетия ничего более универсального и полезного для работы с механизмами не придумали. А здесь явно что-то собирали.

Он прошёлся вдоль стен, поковырявшись в каждом из настенных светильников, в поисках уцелевших ламп. Одну за одной Серо подносил их к фонарю, проверяя, не разорвана ли спираль внутри. Треск разбитого стекла на секунду добавился к извечному гулу комплекса — эта оказалась перегоревшей.

Собрав четыре вполне рабочих экземпляра, он поставил рюкзак на пыльный стол, достал из него полотенце, от которого пахло ромашками, и аккуратно завернул находки в мягкую ткань.

В метре от стола, будто вытесанный из цельного куска породы, стоял небольшой каменный пьедестал с тонкой оправой из золота и бронзы. Символы переплетались между собой в сложные узоры, тянувшиеся от центра постамента и уходившие по торцам в пол.

Серо подошёл ближе, подсветив сей пьедестал фонарём. Сверху, на гладкой поверхности камня блестел сложный серебристый узор, похожий на две тонкие веточки молодой сосны, отлитые из металла и выложенные симметрично друг другу.

— Вполне подойдёт... — прошептал он и позволил себе лёгкую улыбку. — Даже лучше, чем я мечтал.

Парень попытался поддеть серебристый орнамент ножом,

но не сумел зацепиться за край. Зазор между камнем и металлом был так мал, что ему пришлось несколько минут крутиться вокруг пьедестала, чтобы извлечь находку. Серо спрятал её в холщовый мешочек и сунул не в рюкзак, а в карман у груди. Поближе к сердцу.

Фонарь моргнул.

Третий оборот подходил к концу, а значит, пора уходить. В таких местах долго задерживаться опасно. Если с пустоши придёт эмирра — будет сполох. Он, в свою очередь, может перегородить единственный выход отсюда, а это — смерть.

«Орудие последнего шанса» — брелок с кристаллом, способный развеять сполох лишь единожды, продолжал светиться ровно.

На самом деле Серо и представить себе не мог, что найдёт здесь нечто... блестящее. Да и вообще хоть что-нибудь, кроме новых ламп. Скорее, он просто хотел обчистить это место до последнего винтика, гайки или медной проволоки, которые сумел бы унести, чтобы потом собрать из них нечто полезное. Эта дверь была последней в руинах «подземных кишок», как Серо сам их называл. Финальное испытание для молодого механика, за которое он получил более чем достойную награду.

От этого приятного чувства удовлетворения его мысли стали витать где-то не здесь и не сейчас. По этой причине на обратном пути, в том месте, где влага стекала по потолку, образуя едва заметную лужу, Серо промочил и левый боти-

нок. Громко промолчал. Потом расстроено вздохнул и пожал плечами. Так даже... симметричнее.

Перепрыгивая разрыв в полу, он умудрился зацепиться курткой о зазубренный кусок металла. А когда осознал, что звук, разнёсшийся по коридору секундой ранее, был звуком разорванной ткани, то грязно выругался, предвидя недовольную реакцию швеи.

Вскоре, раздосадованный, но довольный собой молодой механик ощутил дуновение свежего воздуха. В конце тоннеля было уже темно, но он предусмотрительно оставил там масляную лампу, чтобы иметь ориентир. Прямоугольный проём без двери выпустил его в мир.

Он вышел из леса на небольшую опушку, утыканную тут и там молодой порослью ясеней и дубков, за которой высились густые кроны деревьев постарше. Во всяком случае, то, что тёмно-зелёная стена впереди состоит только из деревьев, могло показаться лишь на первый взгляд. Присмотревшись, можно было заметить неестественно симметричные красновато-коричневые линии меж листьев и веток, тянущиеся от земли к небу. Верхушки этих «кольев» торчали над кронами, обломанные и местами погнутые.

Руины зданий, оставшихся после Древних.

Он остановился в тридцати шагах от двух таких строений, стянутых друг с другом сетями ветвей, образующих что-то вроде арки.

Серо присел, достал из нагрудного кармана маленький железный кругляш, похожий на гайку, и ударил им трижды о кусок арматуры, торчавшей из земли. Звон разлетелся по округе, прошёл меж молодых дубков и достиг тёмно-зелёной стены, смешанной с рыжиной древнего металла. Вскоре он стих, не найдя достаточно ровных поверхностей, чтобы от них отразиться. Несколько мгновений стояла тишина. Потом со второго этажа одного из зданий мелькнул огонёк — ответный сигнал. Парень едва заметно кивнул, будто подтверждал самому себе, что увидел, и шагнул вперёд.

Из густых зарослей вышла фигура. Женщина. Высокая, крепкая, постарше, красивая. На ней был кожаный жилет, сшитый точно по фигуре и украшенный множеством узких карманов, застёгивавшихся на крохотные железные пряжки. Из-под жилета выбивалась белая рубаша навыпуск. Чистая, несмотря на пыль и ржавчину вокруг. В руках — тяжёлый арбалет, уже взведённый и готовый к выстрелу.

Она двигалась размеренно, а каждый шаг отзывался в земле глухим стуком, словно в каждом сапоге было спрятано по наковальне. Её приближение звучало настолько тяжело и уверенно, что Серо показалось, будто он чувствует эти шаги не только подошвами ботинок, но и глубоко в груди. Или то было лишь биение сердца, раздосадованного и чуть испугавшегося неожиданной встречи.

«Проклятье!» — подумал он, стараясь унять мурашки.

Теперь уж точно получит нагоняй от старосты деревни.

Если только не сумеет договориться.

Дежурство должен был нести сговорчивый Дрогон, а с Амалией Серо не довелось сдружиться. Слишком мало времени она живёт в Ските. Однако, как он прочёл в одной книжке — с каждым можно договориться, нужно лишь найти то, ради чего собеседник будет готов пойти на сделку.

— Серо, — поприветствовала женщина, сдув со лба светлую прядь коротко остриженных волос.

— Амалия, как твоя рука? — начал он, стараясь, чтобы его голос звучал дружелюбно.

— Даже не думай.

— Что?

— Зубы не заговаривай, сказала.

Голос её звучал мягко, глубоко и, казалось, должен принадлежать девушке помоложе. Серо никак не мог привыкнуть к диссонансу между высокой, коренастой фигурой Амалии и тем, как она звучит.

— Закат был час назад, — продиссонировала она. — Если б я не запомнила твою куртку, валялся бы сейчас со стрелой в глазу.

— Вообще-то, то, что сейчас у тебя в руках, зовётся арбалетом. А то, чем он стреляет — болтом.

Он обратил внимание на кисть Амалии, которой та удерживала рукоять оружия. На светлой коже, чуть повыше костяшек пальцев, виднелся жуткий шрам от ожога в виде креста. Серо поспешил отвести взгляд от уродства и добавил:

— Неважный из тебя караульный, если даже этого не знаешь.

— Стрела, болт... Суть не меняется, как ни назови.

Колкость её ничуть не задела. Наоборот, Амалия выпрямилась, будто ждала от парня вызова.

— Дрогон рассказывал, что ты даже по мишени не смогла попасть, — он улыбнулся уголком губ, чтобы немного разбавить напряжённость. — Кстати, где он?

— В нужник отошёл наш кузнец, — она вскинула бровь и направила арбалет на Серо. — Так что он там обо мне рассказывал?

— Эй-эй, полегче! Они иногда сами срабатывают! — он инстинктивно вскинул руки вверх и шагнул в сторону.

— На предохранителе же. Не доверяешь собственным изобретениям?

— Да кто тебя знает, ты ж тут совсем недавно.

Он оставался настороже, но руки всё же опустил.

— Я здесь уже достаточно долго, чтобы запомнить правила. И научиться их соблюдать. А тебе, по-видимому, память отшибло, Серо, не иначе.

— Зачем ты взяла арбалет Дрогона? Я б лучше с ним поговорил. Он хотя бы знает, в какую сторону оружие направлять, когда разговариваешь со своими.

Женщина вопросительно вскинула бровь.

— В землю, Амалия! — сказав это, Серо надавил ладонью на приклад, чем заставил её опустить арбалет.

Она не сопротивлялась, только усмехнулась наглости парня.

— Мне не нужен арбалет, чтобы защищать Скит.

— Запоёшь врагов насмерть?

— Я бы на твоём месте не стала шутить, Серо. Пока на парника нет, я за старшую.

— Ладно, извини, я не со зла, — он развёл руками и по доброму улыбнулся «новенькой».

— Ты бы лучше не ходил в пустошь так надолго.

Она с трудом закинула тяжёлый арбалет на плечо, устав держать его на весу, после чего продолжила:

— Если один путь безопасен утром, это не значит, что он останется таким же вечером.

— Приму к сведению, новенькая.

Серо знал правила пустоши куда лучше неё, но сразу одёрнул себя. Зря сумничал. Нужно договориться, а не собачиться.

— Не думай, что раз ты в стельку свой, то к тебе будет особое отношение, — продолжала говорить Амалия. — Правила есть правила. Проходи, пожалуйста, поскорее, а то нос уже отмёрз.

Она отвернулась и направилась обратно к посту.

Серо не стал ничего отвечать, ибо понимал, что о нём всё равно доложат. Разве что... Он потерял свой брелок. Нет, луносвет ей точно не нужен. Вдохновенным вообще не нужны никакие устройства и детекторы, особенно этой.

«Везучий народец, — подумалось парню. — Хотя... Это как посмотреть.»

С этой мыслью он взглянул на изуродованную кисть Амалии.

Возможно, завтра ему повезёт больше, чем многим из тех, кто был до него. Но это уже проблема будущего Серо. А сейчас он думал об ожидающем его наказании. Староста, сполох его забери, был вредным стариком и не спускал даже мелких нарушений деревенских законов. Несмотря на это, вредного старика любили, уважали, в особенности дети. В особенности его собственные дети, коих он наплодил с дюжину и останавливаться, судя по его вновь округлевшей жёнушке, не намеревался.

— Амалия, ну пожалуйста, — Серо постарался изобразить раскаяние, насколько позволял его неважный актёрский талант. — У меня же свадьба на носу, а моё Пламя уже завтра. Я просто не успеваю сделать пояс для Лиры. Хоть убей, но ничего подходящего не было ни в лесу, ни в ручье. Я уже третий раз хожу. А там ещё этот сполох на весь овраг. Кучу зверья заморил. Пришлось почти час выискивать путь в обход. Ну что мне было делать?

Амалия остановилась, а Серо весь напрягся, ожидая её реакции.

— Я новенькая, сам сказал, — она обернулась и подошла к парню, а тон её голоса смягчился. — Нарушать ради тебя правила было бы глупо. Прошу, скажи мне, что оно того сто-

ило, и я порадуюсь за тебя.

— Стоило, ещё как, — он с надеждой в глазах улыбнулся.

— Ну хоть покажи тогда, чего там нашёл. Я всех обычаев пока не знаю, и меня снедает любопытство.

Серо уже не первый раз обратил внимание на то, что «городские» говорят совсем иначе. То слово незнакомое промелькнёт, то присказка, понять смысл которой способны лишь «не местные». Он не мог подобрать нужного слова, чтобы описать их слог. Ему приходил на ум лишь один факт, способный охарактеризовать речь пришлых — они говорили богаче.

Вести переговоры с тем, кто предположительно эрудированнее его, для парня было в новинку и виделось ему затеей рискованной. И всё же за неимением выбора, а точнее имением оного между розгами и шансом выйти сухим из воды, он выбрал переговоры. После сказанного Амалией ему подумалось, что всё пройдёт успешно, но то был лишь первый позитивный контакт с оппонентом. Для сделки нужно нечто большее.

— Ладно, — он достал находку и показал её Амалии.

Та ахнула, когда увидела серебристый блеск сложного орнамента, так напоминающего веточки молодой ели.

— Звёздный свет напоминает. Очень красиво, — она прищурилась, взглянув парню в глаза. — Уж не в руинах ли Древних ты это нашёл?

— Кому какое дело, где нашёл? — Серо пожал плечами,

хитро улыбнувшись, и убрал находку обратно в карман. — В пустошах можно встретить много чего ужасного или прекрасного. Завидуешь, что мне повезло, Амалия?

— Лире повезло. А мне так и не довелось носить что-то подобное.

— Я слышал, у тебя была семья. Твой муж разве не дарил тебе обручальный пояс?

— В Ашгалоне не принято, это здешние штучки, — она покачала головой, а печаль появилась не только в её голосе, но и во взгляде глаз, сияющих всеми оттенками ясного неба в морозный зимний день.

Последние слова Серо явно чем-то её задели. Он сперва не понял чем, но Амалия пояснила:

— Забыл правила? О прошлом — ни-ни.

Действительно. Между теми, кто родился в Ските, и теми, кто пришёл с Тропы отверженных существовала лишь одна негласная договорённость. Никто из пришлых не хотел вспоминать о том, чего лишился навсегда.

— Это скорее совет, а не правило, — тем не менее пояснил Серо, после чего Амалия резко посерьёзнела.

— А для тебя, судя по всему, вообще законы не писаны? Не забывай, у меня в руках арбалет.

— Ладно-ладно, понял. О прошлом — ни-ни, — он мягко улыбнулся и сделал жест, будто запирает рот на ключ.

— Проходи уже, Серо. А то околела болтать тут с тобой.

От досады парень сжал кулаки.

Провал. Где же Дрогон? Может, он сумеет договориться с новенькой? Взамен можно будет пообещать ему свежего мяса, ведь этот громила любит хорошо поесть. Как раз завтра нужно идти в лес на охоту. Или можно... не сдаваться и продолжать переговоры самостоятельно.

— Как тебе вообще здесь живётся, Амалия?

Они медленно пошли к остову здания Древних.

— Хибара холодная и маленькая, — покривившись лицом, ответила та, — еда дрянная. Я скучаю по свежему хлебу. Не той сухнины, что пекут здесь из травы и листьев, а о настоящей выпечке. Ты же ни разу не пробовал слоёный пешталь в меду?

— Впервые слышу. Это тоже хлеб? — Серо постарался изобразить интерес как можно убедительнее.

— Наверде того, — купилась Амалия. — Один раз попробуешь, и другого уже не захочешь никогда.

— А по мне, у нас вполне вкусный хлеб. Было время, когда его пекли без мёда, вот тогда он был действительно, как ты выразилась, дрянным. Но это было сколько... лет двенадцать назад. Я помню, как раз из лука стрелять научился, когда в лесу нашли колонию пчёл.

— Просто ничего получше ты в своей жизни не пробовал, Серо. Тут есть деревня за лесом, ну, сам знаешь. Я видела там пшеничные поля за обелисками и мельницу. Если б кто-то сумел туда пробраться и, скажем... да что греха от богини таить — своровать немного муки, я бы показала тебе, что

такое настоящий хлеб.

— Зачем воровать? У нас есть там доверенные люди, достаточно предложить им что-нибудь равноценное.

— Нет у меня ничего ценного. Забыл? Нас выдворяют на Тропу с голой... Гхм... Ну, я-то в платье была, но кто ж разрешит взять больше.

Серо вновь потерябил свой брелок. Сейчас? Нет. Либо не то, либо пока рано. Да и расставаться с такой полезной безделушкой ему не хотелось.

— Дрянная еда, холодное жильё... — пробормотал он, делая вид, что размышляет. — Знаешь, тут хотя бы не обворуют, если у тебя что-то ценное появится. Плюсы того, что все всё обо всех знают.

— Ты так новичков поддерживаешь? Если да, то странно, что они остаются, а не сбегают в пустошь.

— Пока никто не сбежал, но впредь буду стараться сильнее.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Сложно научиться доверять людям после того, что со мной сделали. Хочется верить, что однажды Азара рассудит всех по справедливости. Знаю, вы тут все друг другу слепо доверяете и не без причин. Я считаю, это правильно. Но без замков на дверях всё равно как-то не по себе. Не нравится мне Олин, позыривает на меня так, будто что-то задумал.

— Никто не запрещает поставить себе замок.

— И где я его по-твоему должна здесь откопать?

Была ни была. Больше из этого разговора он уже не вытянет. Да и вход в деревню уже совсем рядом, она вот-вот уйдёт в сторожку.

— Давай так, — быстро выпалил Серо, — я соберу для тебя замок на дверь, а ты никому не скажешь, что видела меня после заката снаружи, идёт?

Амалия сурово посмотрела на парня сверху вниз. Напряжённое молчание затянулось.

— И ключ сделаю только один, — добавил он, не выдержав её пристального взгляда.

— Сделаешь два, — наконец сказала она. — Но в следующий раз будет болт в глаз, усёк? Я повешу чучело в виде твоей головы у себя дома и буду тренироваться специально для таких случаев.

— Я тогда, пожалуй, пойду. Спасибо тебе.

Амалия кивнула в ответ и отправилась к себе на пост.

Сделав пару шагов, Серо обернулся, поскольку вспомнил, что хотел попросить ещё кое о чём.

— Во сколько сегодня начнётся твоя песнь?

— Не знаю. Как богиня укажет. А что, тебе спеть на бис?

— Прошу прощения, вдохновенная маэстро, не сочтите за грубость, — он сделал реверанс так, как это описывалось в многострадальных любовных романах, составлявших аж половину скудной библиотеки Скита. — Вы, пожалуйста, не пойте слишком громко этой ночью, хорошо? Некоторые не могут спать под Ваши волшебные песни.

— А вот дети мои засыпали как убитые, когда я петь начинала, — в глазах тоска, в голосе грусть.

Серо откровенно удивился.

— Ты не похожа на женщину, которая... — он тут же осёкся и попытался исправиться. Получилось очень неловко, — ...у которой есть дети, — всё равно не то. — В смысле... Ты слишком... Твоё лицо... Проклятье! Ну давай же, перебей меня, заткни мне рот или арбалет наставь, хоть что-нибудь сделай. Я сейчас под землю провалюсь.

Амалия стоически молчала, а её взгляд требовал, чтобы парень договорил.

— Ладно, — Серо медленно выдохнул, стараясь унять дрожь, принесённую неловкостью. — Ты привлекательная женщина. Это всё, что я хотел сказать.

— Гляди, как бы Лира не услышала. Будь ты постарше, я б, может, и соблазнилась, — после этих слов послышался её мелодичный смешок.

— Я не это хотел сказать. Просто... не думал, что тебе довелось быть матерью. Наверное, для тебя это к лучшему.

Амалия зыркнула на него таким взглядом, какого он от неё ещё не получал. В нём читался запрет. Запрет упоминать её прошлую жизнь.

Он повторил жест с ключом у рта. Серо прекрасно понимал, насколько тяжело тем, кто приходит в Скит Тропой. Когда человека буквально вычёркивают из жизни всех, кого он когда-то знал и любил, не давая возможности вернуться об-

ратно. Просто отправляют на смерть и самодовольно называют это волей богини. До Скита доходят немногие.

Проходя мимо Амалии, Серо ещё раз бросил короткий взгляд на её изуродованную ожогом кисть.

— И всё же, можно сегодня чуточку потише? — попросил он напоследок.

— Ничего не обещаю, от эмирры всё зависит и от богини.

— Действительно. Волей Азары, да минует нас её плоть.

Попрощавшись, он понадеялся, что к тому моменту, когда у него с Лирой будут дети, она останется столь же прекрасной, как и в день их встречи. Во всяком случае пример Амалии внушал надежду, доказывая, что это возможно. Или дело просто в том, что новенькая всю жизнь прожила в городе, за барьерными стенами. В безопасности, комфорте, окружённая вкусной едой.

Где-то наверху, среди горизонтальных балок, соединяющих несущие конструкции древнего здания, Серо заметил блеск фонарика. Там стоял бородатый здоровяк Дрогон. В выражении его лица читалась неловкость и извинения, ведь это он должен был пропустить парня в деревню без лишних вопросов.

Серо улыбнулся знакомому, покачал головой и двинулся дальше. В конце концов, ему удалось договориться, и он не держал на здоровяка зла.

Серо захлопнул дверь, повернул ключ в замке и на мгно-

вание прислонился лбом к косяку. Он вдруг почувствовал всю накопившуюся за день усталость.

Дома было тепло и пахло тушёными овощами. Из просторного помещения со стенами, обитыми дубовыми досками, вели три двери. Помимо входной — одна в спальню, другая в умывальню. Справа в углу стояла небольшая чугунная печка, от которой в потолок уходило несколько тонких труб, начищенных так старательно, что стены вокруг буквально светились от медных отблесков. Вокруг потрескивающего очага была организована небольшая кухня с круглым столом, парой стульев, железной раковиной и настенным шкафчиком для тарелок. Остальные предметы быта, связанные с уборкой, готовкой, стиркой, а также сортировкой мусора по категориям, разделенным будущей хозяйкой дома на «ещё пригодится» и «фу, выбрось это скорее», Серо предпочитал не замечать.

Слева же, за столом возле двери в спальню, он увидел её. Лира сидела за своим рабочим местом, склонившись над белой тканью и что-то ковыряла в ней кончиками пальцев.

— Клятая затяжка... — прошипела она себе под нос, когда закончила ковыряния и продолжила работать иглой.

Её золотистые волосы спадали с плеч, отливая янтарём в свете лампы, которую Серо подарил ей по надуманному поводу, смастерив ту из остатков механизмов старого мира. Просто не любил того, как Лира шуруется в полутьме, занимаясь шитьём до поздней ночи. Причём в последнем он ви-

нил себя, поскольку частенько возвращался домой затемно.

Лира не заметила, как он вошёл — или сделала вид, что не заметила. Её пальцы двигались быстро и точно, с уверенностью ткацкого станка, ведь каждая петля, каждый шов для неё были ежедневной рутинной, возведённой ею в своеобразный ритуал. Настолько Лира зарывалась в своё дело.

Под столом швея мягко и ритмично выжимала небольшую педальку. Она лениво двигала изящной ступней в белом носочке, заставляя механизм моторчика негромко урчать, словно приручала маленького зверька, не желавшего быть источником энергии для лампы.

Лира откинула небольшую прядь волос, упавшую через плечо, пока рассматривала качество получившегося шва, подавшись чуть вперёд. В свете лампы была видна только часть лица: тонкий нос и изумрудный глаз, смотревший на ткань спокойно и сосредоточенно. Рукава белой блузки были немного подкатаны, едва оголяя предплечья, ткань воротника плотно обнимала шею, а чёрный корсет местами поблёскивал узорами, вышитыми золотистой нитью. Серо эти строгие одежды всегда казались чем-то вроде формы, будто у цеха ткачей был какой-то неписанный закон — выглядеть эффектно. А может, это лишь его фантазии, ведь другие представители этого ремесла ему не встречались.

Возможно, он застал момент, когда Лира работает над своим свадебным платьем. Или это просто новая штора в спальню — Серо в этом не разбирался.

Он медленно, чтобы не шуметь, достал из кармана мешочек, в котором спрятал находку из руин, и опустил его в ящик комода у двери, прикрыв сверху старым шарфом.

— Я всё видела, — слышался мягкий голос Леры.

Серо сжал кулаки. Он так хотел, чтобы находка стала для неё сюрпризом.

Она сразу бросила шитьё и буквально подплыла к парню, шурша подолом коричневой юбки по деревянному полу. Швея имела привычку изящно складывать руки у живота, что придавало дочери конюха аристократичный вид.

— Снимай, — скомандовала она, начав стягивать с него куртку. — Опять в подмышке порвал.

Серо ощутил облегчение с приятным налётом радости от того, что будущая невеста находку всё же не заметила.

— Эта куртка всё больше похожа на карту твоих вылазок в пустошь, — продолжала причитать Лера. — Можно пошустрее, пожалуйста. Сейчас зашью.

— Сейчас? Может, потом? — Серо попытался улыбнуться, но из-за усталости получилась лишь нелепая гримаса.

— Я не хочу возиться с ней до полуночи. Надеюсь, никто не заметил по пути? Особенно сёстры. Меня засмеют, если увидят. Не для того я Пламение проходила.

Он не стал возражать. В таких вопросах спорить с ней было бесполезно.

Она резво удалилась обратно за ткацкий стол. Серо попытался поймать её за руку, но не успел. Через секунду Ли-

ра уже кинула куртку на своё рабочее место, уперев в него руки, и принялась дотошно изучать нанесённый случайным обрывком железа ущерб.

Серо двинулся к ней, но сразу же услышал строгий голос: — Ничего не забыл?

Лира обернулась, бросив брезгливый взгляд на его грязные ботинки.

— Когда-нибудь я заставлю тебя самого мыть полы, Серо.

Он поспешно снял обувь, оставив её там, где стоял, и, не отрывая взгляда от изумрудных глаз, будто бросал возлюбленной вызов, медленно, даже лениво, подошёл к ней. Под ногой привычно скрипнула половица.

От Леры пахло ромашками. В тёплом свете лампы её волосы отдавали медными оттенками и, казалось, источали жар, который он ощутил всем телом, когда приблизился. Серо взял в руки тонкие, оголённые запястья, одно из которых украшала розовая отметина, будто швея поймала им молнию, и прижался к ней сзади.

— А ты ничего не забыла? — негромко, маняще произнёс он, мягко, но настойчиво развернув её к себе лицом.

Руки легли на корсет, делавший талию девушки невозможно идеальной. Серо потянул, и Лира подчинилась. Он прижал, а она в ответ обвила его затылок тонкими пальцами. Нежный поцелуй продлился лишь пару мгновений, но и этого им было достаточно. Секундный порыв страсти перерос в тихое объятие. Серо нежно сгрёб Лиру в охапку, а она

крепко прижалась щекой к его груди.

В тот момент его взгляд захватила серебристая иллюминация улиц за окном, со стороны казавшаяся роем светлячков. Вечернее освещение в Ските было мягким и естественным, чтобы не привлекать ненужного внимания.

— Зачем обувь бросил? — голос Лиры был тих и спокоен.

— Чтобы тебя позлить, — вторил он её тону.

— Иди убери.

Он улыбнулся и поцеловал её в макушку, наслаждаясь ромашковым ароматом золотистых волос. Потом отпустил и подчинился.

Лира же, пригладив подол юбки, уселась в своё кресло и взялась за дело. Света стало больше, когда она принялась ритмично вдавливать педаль под столом. Игла сверкала на свету, будто маленькая молния, укрощённая её тонкими пальцами.

— Староста заходил, — бросила она через плечо, пока Серо возился в прихожей. — Искал тебя. Надо починить бойлер в доме богини. Я сказала, что ты в таверне Сифы. Уж не знаю, пошёл ли он тебя туда искать или зайдёт завтра... В любом случае, будь готов снова врать, где тебя носило после заката. Кстати, где тебя носило после заката?

— В пустоши.

— Говоришь так, будто не я тебя туда собирала. Куртку, спрашиваю, где порвал? В «кишках»? — она слишком часто листала его записи, равно как и изучала его чертежи.

Серо, в свою очередь, с недавних пор пытался разобраться в раскройках, втайне от Лиры изучая её рабочие тетради. Вот только ремесло возлюбленной ему казалось куда более сложным делом, чем сборка дверного замка, который он теперь должен был Амалии. Но это потом. Сперва надо понять, как шьются пояса.

— В «кишках», — подтвердил он.

— Лампа светит уже не так ярко. Вот-вот перегорит.

— Да, заметил. Я новые принёс. Но, думаю, это последние. Больше закрытых дверей не осталось.

— Я постараюсь поменьше ими пользоваться. Буду раньше вставать и работать днём. А в остальном, нашёл что-нибудь интересное?

— Ничего, — убедительно соврал он.

— Голодный?

— Нет.

Она закончила очень быстро. Рука мастерицы стёрла любые следы надрыва ткани, будто его никогда и не было.

Швея «проплыла» до прихожей и повесила куртку на крючок. Серо сидел на корточках возле входной двери, копаясь в недрах рюкзака. Он уже собирался отнести его к столу, где было больше света, но Лира тут же пресекла эту попытку.

— Грязный рюкзак тоже у двери оставь.

— Не могу найти лампы. Света мало.

— Завтра посветлу найдёшь.

Она потянула Серо за плечи, заставив его оторваться от

копаний. В её голосе прозвучала нотка нетерпения.

— Оставь свой хлам.

— Это не хлам, а...

— ...мудрость времён. Знаю. Иди мойся, от тебя руинами за версту несёт. Я давно затопила, вода должна быть ещё горячей.

Лира коротко поцеловала его в щёку, а затем буквально вытолкала в душевую комнату, сказав напоследок:

— А я пока спрячу твою куртку, чтобы ты в ней и на свадьбу не явился.

— Она со мной дольше твоего, — слышалось из-за закрытой двери.

— И оттого нравится мне ещё меньше, — сказав это, швея тихо хихикнула.

Позже Серо, вытирая полотенцем волосы, вышел из душевой и усмехнулся тому, что Лира знает его слишком хорошо. Она предвидела, что он и не подумает взять с собой чистую одежду, и потому, когда зашёл в душ, будущий жених увидел приготовленную заранее рубаху и штаны. Идеально выглаженные и пахнущие ромашкой.

Он направился в спальню, где Лира встретила его косым, слегка недовольным взглядом, попутно зажигая спичкой масляную лампу на прикроватной тумбе. Она уже успела переодеться в лёгкий чёрный сарафан с глубоким декольте, едва прикрывающим соски.

— Закрывай дверь скорее, — бросила она, — дует.

Серо послушался и, закончив вытирать волосы, стянул их в хвост повязкой.

Лира встала у окна, наблюдая за темнеющим небом. Он подошёл и обнял её за плечи, зная, что она ждёт этого. Раньше им не доводилось видеться так редко, как сейчас, за несколько дней до свадьбы. Он уходил рано утром и возвращался после заката, а она всё боялась, что теперь так будет всегда. Подготовка к свадьбе занимала всё его свободное время, одновременно приближая к заветной цели и отдаляя его от Леры.

Внезапно воздух дрогнул. Издалека, будто с высоты небес и в то же время из глубин земли, донёсся голос. Он не был похож на человеческий, скорее напоминал вибрацию всего сущего, бесцеремонно вгрызающуюся в самую суть естества. Так это ощущалось Серо. По коже у него пробежал уже хорошо знакомый холодок. Лира же наоборот, расслабилась и только сильнее прижалась к нему.

— Люблю песнь Амалии, — её голос звучал тихо и спокойно.

Не высвобождаясь из его рук, она дотянулась до лампы и прикрутила фитиль. Свет в комнате стал мягче, словно зовя их ко сну.

— Я о тебе думала сегодня. Всё ждала, что ты пораньше вернёшься.

— Прости, я должен был завершить одно дело.

— У тебя всегда есть дела...

— Скоро моим главным делом станешь ты, — Серо сразу же осознал, какой сентиментальный бред сейчас произнёс.

Лира это осознание ощутила по тому, как он на миг сжал кулаки, в моменте поддавшись стыду, и едва заметно улыбнулась этому.

— Знаешь, — сказала она, издав тихий смешок, — Мерит всё никак не решится сделать предложение дочке гончара. Смеются все уже. Даже староста подначивает.

— Он же за тобой пытался приударить, если мне память не изменяет.

— Пытался, да только больно молоденький он. Но крепкий, потенциал есть. Может, стоило выбрать его...

Серо всё правильно понял. Лира не терпела быть одна. Вырвавшись из семьи, где детей намного больше, чем родителей, она искала уединения, но никогда не желала оставаться в одиночестве. А после того, как выбрала Серо, старалась удержать его дома как можно дольше, прежде чем он вновь отправится искать очередные руины.

— Жестоко так поступать с бедняжкой Сифой, — он покачал головой и улыбнулся. — Ты не оставишь ей и шанса.

Серо обвил талию Лиры, уверенно приложившись губами к открытой шее, что вызвало у девушки глубокий вздох удовольствия.

— Ну хорошо, — прошептала она. — Твоя взяла.

Он медленно коснулся губами её виска, а потом провёл ладонью вдоль шеи — осторожно, чтобы не разрушить хруп-

кий момент близости. Лира повернулась к нему, поймав его взгляд своим. Мягкий свет лампы бросал золотистый отблеск на её ресницы и отражался в глубоком изумрудном цвете глаз. Она просто потянулась к нему, а он просто ответил, как будто этот миг уже был отпечатан во времени заранее, и всё, что от них требовалось, это следовать пути, написанному их интуицией.

Они не торопились. Масляная лампа тихо потрескивала, огонь в ней робко подрагивал, а тени на стенах дышали в унисон с ними. Он ощущал, как под пальцами скользит её тёплая, гладкая кожа. За окном внезапно рванул ветер, возвещая о надвигающейся грозе. Но вскоре порыв стих, превратившись в лёгкое гудение, прерывавшееся лишь её сладким голосом. Серо подумал, что ради этого момента он пройдёт Пламение хоть дважды, коснётся любого сполоха, лишь бы снова почувствовать ладонью тепло её руки.

Где-то на окраине Скита занялась новая песнь, обещающая жителям покой и безопасность до тех пор, пока голос Амалии разносится над деревней.

— Слышал, из-за её пения жители соседних деревень стали считать наш лес проклятым. Будто бы это призраки воют.

Лира лежала сверху, прижавшись к груди Серо, и смотрела в окно, где мягкий лунный свет рассеивал ночную тьму. Серебристые лучи, проникая в комнату, создавали замысловатые тени на потёртом деревянном полу, местами застелённом не менее потёртыми вязаными ковриками; на одеяле с

узорной вышивкой, что покрывало лишь ноги любовников; на обнажённой спине Лиры. Её кожа ощущалась нежнейшим шёлком, к какому только доводилось прикасаться пальцам Серо.

— Возможно, это к лучшему, — тихо сказала она. —
Меньше зевак будет соваться.

— Или привлечёт ненужное внимание.

— Ты такой пессимист, знаешь? Мне спокойнее под пение Амалии. Будто колыбельная для всего Скита.

— А мне под неё вовсе не спится.

— Значит, отсыпные у вас двоих совпадают.

Она ещё какое-то время смотрела в окно, слушая размеренный ритм сердца, бьющегося в груди возлюбленного, а потом спросила:

— О Пламени думаешь?

— Нет.

— Врёшь.

— С чего бы?

— У тебя сердце колотится, как игрушка заводная.

Он не ответил.

— Мне тоже было страшно, — продолжила Лира, глядя на свою левую кисть, «украшенную» ветвистой отметиной, похожей на родимое пятно. Глубоко и немного расстроено вздохнула. — Но боль быстро проходит.

— А для тебя что изменилось после твоего Пламени?

— За мной начал бегать ты.

Серо улыбнулся, припоминая тот день.

— Вы, парни, просто без ума от девушек, которых уже можно. Это мерзко, — Лира широко зевнула.

— Зачем же ты решила пройти обряд раньше срока, если так не нравится внимание парней?

— Я не говорила, что не нравится. Я сказала, что вы мерзкие.

— Включая меня?

— Если прекратишь ходить в грязной обуви по дому, станешь мерзким чуточку меньше остальных.

— Остальных, значит? А были другие претенденты? — задорная ухмылка посетила его лицо, а бровь поползла вверх.

— Я пошутила.

Лира хлопнула ладонью по груди Серо. Хихикнула. Задумалась.

— Почему я решила пройти обряд? — слышался её сонный голос после недолгой паузы. — Надоело принадлежать дому, в котором выросла. Ты хоть представляешь, каково это — расти в семье, где живёт аж десять вечно голодных орущих ртов?

— И ты решила захомутать какого-нибудь бедолагу, чтобы мучить его своими иголками всю оставшуюся жизнь? Да у тебя сердца нет, любимая.

— Терпи.

— Я ещё могу отказаться, — уголки его губ вновь поползли вверх.

— Не можешь, — она, в свою очередь, вновь хлопнула его ладонью по груди, будто повелевала остаться.

Снова пауза. За окном, прикрытым полупрозрачной тюлью, погасли местные «светлячки», знаменуя приближение полуночи.

— Ну а если серьёзно, — вновь спросил Серо, — какие... ощущения? После обряда.

Лира ненадолго задумалась, пытаясь вспомнить событие двухлетней давности в мельчайших деталях. Чувство страха, предвкушение свободы, опасения стать избранной богини, глгучую досаду из-за шрама, принесённого ритуалом.

— Сначала было больно, — тихо начала она, — словно сотня игл впиалась в руку и вывернула кожу наизнанку. Я привыкла к иголкам, однако... больно всё же было. Мне бы хотелось сказать, что я достойно выдержала испытание, но чего уж греха таить, расплакалась тогда.

— Никогда не видел, как ты плачешь.

— А тебе бы так хотелось?

— Нет, — он притянул её к себе чуть сильнее.

— Тогда не перебивай.

Лира прижалась к нему сильнее в ответ и задумчиво продолжила:

— После Пламения... Богиня не избрала меня, вдохновение не снизошло, а я даже обрадовалась. Никаких новых обязанностей. А потом на тебя начинают по-другому смотреть. Настоятель прав. Люди принимают тебя. Я не знаю, как это

объяснить. Становишься... своим что ли.

Серо попытался осмыслить, понять суть её слов, но получил слишком мало вводных, чтобы мозг сумел выстроить картину мира, описанную Лирой.

— Ничего не понятно, — в конце концов пробормотал он.

А она тихонько фыркнула, сказав:

— Тебе только формулы да инструкции подавай, Серо.

— Видимо, это что-то совсем другое.

— Да. Ты поймёшь, когда сам окажешься на моём месте.

Он аккуратно провёл пальцами по кисти, которой Лира «поймала молнию».

— Только — она подняла голову, притянув его взгляд — не пытайся касаться сполоха дольше, чем нужно. А то кончишь, как сынишка гончара.

— Да, жаль парня. Он вроде тоже ради девушки проходил обряд.

— Ты точно запомнил? — изумрудные глаза требовали непоколебимой покорности.

— Я сразу уберу руку, обещаю.

— Вот и хорошо, — Лира вновь положила голову Серо на грудь. — Богиня любит решительных, а не безрассудных.

— А если на меня снизойдёт вдохновение?

— Тогда, может, наконец поймёшь, о чём поёт Амалия. И расскажешь мне.

— В карауле придётся стоять... Может, всё-таки отказаться? Ай!

Ли́ра укусила его за плечо, встретив недовольный взгляд Серо своим недовольным взглядом. Он улы́бнулся и притянул её к себе, ощутив мягкость и тепло девичьих грудей. А она прильнула головой к его плечу, закинув свою ногу поверх его ноги.

Разговор закончился без слов. Они провели его мысленно, и каждый пришёл к одному и тому же финалу.

Серо открыл глаза, как только Ли́ра заснула, и какое-то время ещё лежал, прислушиваясь к её ровному дыханию. Ночь была тёплой, а по крыше тихим стаккато перекатывались остатки дождя, который прошёл так же быстро, как и начался.

Песнь Амалии не давала ему уснуть, бесцеремонно продираясь в подкорку, заставляя вибрировать его мысли иначе, чем он привык. А может, дело было в страхе перед Пламенем. Он рассчитывал, что Ли́ра сумеет объяснить то, что не укладывалось у него в голове, твёрдо уверенной в том, что все загадки мира можно объяснить на чертеже. Но всё стало ещё запутаннее. А Серо терпеть не мог неопределённости.

Что ж, если другого пути нет, придётся поговорить с теми, кто точно должен знать, как всё устроено.

Он осторожно повернул голову. Ли́ра спала на животе, раскинувшись на три четверти кровати, как будто завоёвывала себе место. Как всегда. Лунный свет, пробивающийся сквозь тонкую тюль, ложился на её обнажённую спину,

вырисовывая плавную линию позвоночника. Пряди золотистых волос, пахнущих ромашкой, раскинулись по кровати веером, дотягиваясь аж до круглых девичьих ягодич. Одеядо, как и всегда, она скомкала где-то в ногах.

Серо тихо, почти беззвучно, сел на край кровати, предварительно откинув с себя несколько прядей. Вспомнил, как Лира ворчит, когда он уходит внезапно и без предупреждения, будто ему куда-то нужнее, чем быть рядом с ней, и как она потом делает вид, что не злится. Он молча пообещал ей вернуться быстро.

Заботливо укрыв любимую одеялом, Серо торопливо оделся, стараясь издавать как можно меньше шума. Рубашка, штаны, ремень, куртка — всё идеально подогнано по фигуре её стараниями.

Пока он завязывал шнурки, его взгляд снова скользнул к кровати, видневшейся сквозь дверной проём спальни. Лира, не просыпаясь, слегка пошевелилась, скинула одеяло и что-то едва слышно пробормотала. Серо улыбнулся — она даже во сне умела требовать внимания.

Замок тихо щёлкнул. В лицо парня ударил свежий ночной воздух с ароматом костра.

— Я, конечно, не жалею, мне без разницы, кому наливать, но... У тебя ж Пламя завтра, Серо.

В таверне было тихо и почти безлюдно. Здешняя хозяйка Сифа старательно натирала стойку, а из-под пола тянуло

жаром печи и запахом старого сухого дерева. За ближайшим к стойке столом, склонившись над кружкой, развалился бородатый кузнец Дрогон. В углу сидел Олин — охотник, пришедший с Тропы отверженных где-то с год назад. Он задумчиво тёр большим пальцем шрам в виде креста на запястье и, похоже, прислушивался к чему-то.

Серо он казался странным. И дело не в нелепой козьей бородке и даже не в золотистых прядях волос, что были длиннее и ухоженнее, чем положено уважающему себя мужчине. Иногда охотник издавал резкий, протяжный вдох носом, будто пытался что-то учуять и на какое-то время замирал. Но об этой его странности все привыкли тактично никогда не спрашивать, хоть эта самая странность многих раздражала, а кого-то даже пугала.

Сонный молодой механик занял место за стойкой. Уперев перед собой локти, он держал голову руками, пытаясь не слушать всепроникающую песнь Амалии.

— На Пламение теперь с бодуна пускают? — поинтересовалась хозяйка таверны.

— Оно после заката будет, Сифа. Я не собираюсь напиваться.

— Настолько страшно, парень, что пьяным решил явиться к обряду? — подал голос кузнец, задорно усмехнувшись.

Серо повернулся к ненадёжному знакомому лицом.

— Дрогон, ты ж с караула только. Разве тебя жена дома не ждёт? Ты смотри, она быстро найдёт тебя тут, если захочет.

Кузнец поморщился и сразу сменил тему.

— А я смотрю, ты-таки сумел договориться с Амалией.

— Твоими стараниями, пришлось.

Краем глаза он заметил, как Олин, продолжавший сидеть в углу, чуть повернул голову в их сторону, когда услышал имя вдохновенной певчей.

Дрогон не стал ничего отвечать, залив неловкость пивом.

— Всё равно лучше не пить тебе сегодня, Серо, — Сифа вздохнула и как-то неуверенно потянулась за кружкой.

Тот чуть усмехнулся, вновь уперев локти в стойку.

— А будет лучше, если я усну посреди ритуала? Сифа, ты же вроде должна быть рада клиентам. Налей пива, пожалуйста. Может, хоть это заглушит голос Амалии. Только хмельного, а не той травяной гадости.

— Ох, кто-то решил раскошелиться в этот раз?

Серо поднял голову и посмотрел на неё устало, но с едва заметной улыбкой.

— А тебе всё ещё нужен рабочий дистиллятор?

Сифа прищурилась, наклоняя кувшин так, чтобы струя упала мягко, не дав лишней пены.

— Будешь тут рада, когда клиенты без наличности ходят, — сказала она и поставила кружку перед парнем. — Считай это задатком.

— Благодарю, хозяйка, — Серо кивнул, но к напитку пока не притронулся.

— А если б Амалия каждую ночь петь могла без передыха,

ты бы тут поселился? — глухо пробурчал Дрогон, шевеля густыми бровями.

— Почему она не поёт днём? Почему именно ночью?

Серо вбивал лбом в барную стойку каждое слово, сложив руки перед собой. Сифа не растерялась и сунула ему в ладонь наполненную кружку. Парень мгновенно ожил и пригубил пенного.

— Сама вызывается, — пояснил внезапно приблизившийся к ним Олин.

Голос его был спокойным, глубоким и почему-то вызывал доверие. Охотник решил присоединиться к разговору, заняв место за стойкой.

— Днём любому вдохновенному проще сполохи находить, не все ж они невидимые. А её пению всё равно видимый сполох или нет. Везде, где звучит её голос, они рассеиваются. Наверное, поэтому она и дежурит ночью. Староста не возражает, да и никто из вдохновенных тоже. Стараниями Амалии я всего два раза в месяц теперь в карауле стою. Больше времени уделяю охоте. А днём она спит, чтоб людей поменьше видеть.

— Всё-то ты о ней знаешь, охотник, — встряла хозяйка таверны.

— Мы общались пару раз, она хорошая женщина.

— И всё же, почему Амалия так нелюдима? — поинтересовался Серо.

У него в голове крутился их разговор у западной арки.

Тогда он не придавал особого значения её повадкам. Ему казалось, что она обычный изгой из Ашгалона, каких до неё приходило множество, но ещё ни разу не видел, чтобы человек настолько закрывался в себе.

Тем временем Олин попытался выдвинуть свою версию:

— Трудно доверять людям, когда твои же соплеменники поступают с тобой вот так, — он поднял ладонь, на обратной стороне которой красовался шрам от ожога в виде креста. — В Ашгалоне нет Пламения. Там вдохновение настигает внезапно. Приходят вековники церкви и... Благословение богини это или Её проклятье решаешь не ты. Вдохновился дитём малым, значит, повезло, ну а коли уже вырос, то... — он покрутил ладонью перед собой, будто вспоминал, какой она была до клейма.

— Ты же год назад к нам пришёл, я правильно помню? — подала голос Сифа. — У тебя с доверием вроде всё в порядке. Судя по тому, как ты Амалией интересуешься. Вам двоим, если что, Пламение проходить не нужно, друзья вдохновенные.

— Скажешь ещё, Сифа, — отмахнулся охотник и вновь прильнул к кружке.

— Ну а тебе есть по кому скучать, Олин? — поинтересовался Серо.

— Я скучаю лишь по нормальной еде. Без обид, госпожа.

— Да знаю я... — махнула тряпкой хозяйка таверны. — Не ты первый это говоришь. Соль, чтоб её, негде взять.

— У меня почти не было никого в Ашгалоне, — продолжил охотник. — Брат там остался, но мы не очень хорошо общались. Женщину я себе не нашёл. А вот Амалия... Видимо, ей нужно время, чтобы вновь научиться доверять людям. Это объясняет её, как ты выразился, нелюдность.

— Попросись подменить её пару раз в дозоре, может, она потеплеет к тебе. Вторую ночь подряд дежурит, тяжело, наверное, петь так много.

— Это не совсем пение, как ты его понимаешь, Сифа, — Олин слегка покраснел, — но эта мысль уже посещала меня. Я ходил к старосте, но это ж не только меня, ещё четверых как минимум ставить надо вместо неё, чтобы контур вокруг деревни закрыть. А ещё каждому в пару по смотрящему, да, Дрогон? Весь график караула тогда вверх дном пойдёт. Да и охота в последнее время идёт совсем неважно. В овраге на западе сполох появился. Столько дичи побил. А её ж не достанешь из-под него, самого затянуть может. Так я использую освободившееся от караула время, чтобы глубже в лес уходить. Столько луносвета уже пожёг, пока безопасные тропы искал. А они чуть ли не каждый день меняются.

— Хочешь сказать, мы скоро без мяса останемся? — встрепенулся Дрогон. — Я на одних травяных хлебах долго не протяну, меня от них воротит.

— У других охотников дела получше, — успокоил его Олин. — Но на западе я сумел выследить только стадо косуль. Убивать не стал, пускай плодятся. Они звери умные,

сполохи за версту чувят. А вот волки беспокоят. Если перегрызут оставшееся поголовье, то действительно может наступить голод. Краль, тот, что на север ходит, чуть не наткнулся давеча на их стаю, так еле ноги унёс. Всю ночь на дереве просидел, пока не убедился, что возвращаться в Скит безопасно. Видать, скоро будем собирать дружину, на волка идти.

Серо дождался, когда охотник договорит и спросил:

— Олин, ты что-то говорил про косуль.

— Говорил, да. А тебе что?

— Дичь ему выследить надо, — ответила за него Сифа и задорно хихикнула, когда добавила, — брачный ритуал для молодых.

Олин взглянул на неё с непониманием.

— Ох, всё-то вам городским объяснять надо, — закатив глаза, запричитала она. — Мужчина должен пройти Пламенение, убить зверя и найти что-нибудь ценное в пустоши. Всё, чтобы доказать, что достоин жениться.

— Не просто убить зверя, — встрял Дрогон, — а сделать из его шкуры обручальный пояс. И ценностью из пустоши его украсить.

— У нас в Ашгалоне таких традиций не было.

— А как у вас там женились? — поинтересовалась Сифа.

— Просто женились в церкви, — ответил Олин так, словно что-то, кроме желанья здесь излишне. — Доказать, что ты достоин... Звучит красиво.

— Нет в этом никакой красоты, — бросил Серо, осушив

кружку до дна. — Сплошные суеверия.

— Традиции, парень, — поправила его хозяйка таверны.

— Что ж ты тогда Пламение решил пройти, а?

— Потому что Лира прошла.

— Ровней быть ей хочешь, только и всего?

— Разве это плохо?

— Врёшь ты всё. Доказать, что ты мужик — вот, что ты хочешь. Все вы такие.

— Уверен, он уже много раз ей это доказывал, — рассмеялся Дрогон.

— Сифа, налей ещё.

Та наполнила бокал Серо.

— Ну, Лире Пламение нужнее было, — добавил кузнец, отсмеявшись в одиночестве. — Такой красоте негоже пропадать в отцовском доме.

— Уже забыл, как меня называл красивейшей из дев, Дрогон? — одёрнула его хозяйка таверны. — Или это лишь бы я налила твоей пьяной роже?

Кузнец что-то ей ответил, но Серо уже не слушал, принявшись за вторую кружку. Он ощутил, как холодный напиток разливается внутри, приятно пощипывая.

— Так, когда на охоту, Серо? — внезапно спросил Олин.

— Завтра утром.

— Погоди-погоди, ты ж ещё Пламение не прошёл, — встряла Сифа. — Сам же сказал, что после заката, или я что-то путаю?

— Я вернусь с добычей до захода солнца.

— Ты ещё скажи, что украшение из пустоши уже принёс.

— Принёс.

— Это надо делать в обратном порядке! Сперва — Пламенение, потом — всё остальное. Ты ж механик, должен знать, как инструкциям следовать.

— Не думаю, что богиня будет следить за тем, в какой последовательности я доказываю свою достойность.

— Да хоть с хвоста начни, никто не выпишет тебе бумажку, что жениться нельзя, — вмешался Дрогон. — Главное, чтоб в конце пояс был и отметина на руке, — он посчитал пункты на пальцах, словно их должно быть больше, чем два.

— Рукою, что Пламенение прошла, сверстай избраннице своей кожаный пояс, — процитировала Сифа.

— Так будет слишком долго. Мне нужна шкура уже сейчас. После обряда рука может хоть месяц заживать, если вообще цела останется.

— За это можешь не переживать, — Сифа вытерла со стойки конденсат, оставленный кружкой Серо. — С тех пор как сынишка гончара откинулся во время ритуала, настоящий совсем маленький сполох стал призывать. Мол, без разницы, насколько сильно приложишься к богине. Уж если коснулся, значит Она тебя увидела. А след с каждым годом у молодёжи всё меньше становится, — Сифа с грустью осмотрела своё предплечье, на котором красовался шрам в виде огромного розового пятна и, с расстроенным вздохом, отка-

тала рукав, чтобы скрыть то, что считала уродством.

— Да не расстраивайся ты так. То дело былое, — подержал её Дрогон. — Мне вот в своё время палец оторвало, — он снял перчатку с руки, показав отсутствие двух фаланг безымянного. — Жить не мешает... Не то что Гарвена. Иногда так и хочется отдать ещё один палец, чтоб богиня послала мне другую жёнушку.

— Гарвена мне выручку делает неплохую.

— Это как?

— Если б она сварливой такой не была, ты бы не прятался от неё здесь после караула, — сказав это, Сифа заливисто расхохоталась.

Серо и Олин поддержали её смехом. Один Дрогон был мрачнее тучи.

— Ты не переживай, Серо, — начал Олин, хлопнув молодого механика по плечу. — Завтра я заступаю в караул на западной арке. Зайдёшь ко мне, я расскажу, где искать косуль.

— Ты завтра в карауле? — изумился тот. — Тогда что тут делаешь?

— Это яблочный сок, малец. Мне просто дома одному сидеть скучно. Да и не могу я песнь Амалии слушать в одиночестве, хоть убей. Будто вся боль мира скопилась в ней, аж тоска накатывает. Вот и сижу тут каждый раз, слушаю истории, узнаю о ваших традициях, пока сон не одолеет. А ты бы шёл спать, Серо. Зверь не любит перегара, а арбалет косога глаза.

Молодой жених задумался, глядя в недопитую кружку пива. Ему стало немного спокойнее, и песнь вдохновенной уже не так тревожила. Из мыслей его вытянул голос Сифы.

— Зверя надо из лука завалить, а не из арбалета. Традиции, парень.

Теперь уже Серо цитировал писание:

— Копьём иль тетивой ты зверя завали, чтоб шкуру с него снять.

— И правда, Сифа, у арбалета есть тетива, — усмехнулся Олин. — Кажется, все требования соблюдены. Ну и так больше шансов, что зверь не будет мучиться. Это я как опытный охотник говорю.

Он внезапно сделал один из своих резких «дыхов» носом. Потом хлопнул Серо по плечу, сказав уверенно, будто у того нет выбора:

— Пойдём, провожу.

— Что? Я ещё не допил!

— Поверь, пора.

Серо не стал сопротивляться, понимая, что возможно, и впрямь засиделся. Воздух снаружи был прохладным и пах сырой землёй.

— В чём дело, Олин?

Всё-таки ему было интересно, с чего бы вдруг охотник так резко сорвался с места и на кой ляд потянул его за собой. Серо добавил это в копилку странностей, очевидно, нового друга.

Тот усмехнулся в ответ.

— Зря ты сегодня пил. Лира проснулась. Сказала, что оторвёт тебе... ну дальше там что-то на молодёжном было.

Серо, наконец, сообразил, в чём дело, и скривился.

— Твой сполох... жуткий.

— Ты вроде песнь Амалии жуткой считал.

— Ладно, второе место твоё. Ты прямо всех слышишь?

Олин усмехнулся.

— Нет. Только тех, кем пахнет.

— Уверен, что не желаешь моего присутствия?

— Что? — он подумал, что Лира обиделась за его ночное исчезновение.

Когда Серо вернулся домой, она сладко спала, вновь спихнув одеяло к ногам. В тот момент он понадеялся, что Олин пошутил насчёт слов его проснувшейся невесты и просто выдумал слова. Однако слова те принадлежали точно ей, ведь это было их... личное выражение.

— Надеюсь, ты помнишь, что у тебя сегодня Пламенение?

— говорила она, склонившись над рабочим столом. — Меня не хочешь позвать, говорю?

Серо неосознанно улыбнулся.

Быть может, Лира забыла? А может, просто понимала, почему он ночью уходил, и не стала заострять внимание.

— Не надо тебе это видеть.

— Боишься, что заплачешь? — поддразнила она.

— Не дождёшься. А если б я на твоё Пламенение явился, что бы ты сказала?

— Я бы спросила: «Где тебя носило раньше, красавчик?»

— Встреть я тебя раньше, ты бы заставила пройти обряд вместе с тобой. Не очень-то и хочется это видеть.

Она ничего не ответила, а он продолжил сборы, заполняя рюкзак инструментами и снедью. Котелок, огниво, пара верёвок на случай, если придётся спускаться по крутым склонам. Колчан с десятком болтов Серо приторочил к ремню слева, а флягу с водой — справа. Пока собирался, он заметил, как Лира что-то задумчиво записывает карандашом на рваном клочке бумаги, попутно поправляя волосы, постоянно спадающие из-за уха на стол.

— Что пишешь?

— Подсчитываю, сколько колбочек мне надо на храмовое полотно, — она говорила медленно, вдумчиво, как это бывало всегда, когда швея что-то планировала.

— Колбочек?

— Ну, те мелкие железные штуки Древних, которые в земле находят, когда начинают копать, — окончив подсчёты, Лира отошла от стола. — Мартен продаёт мне их задёшево. Всё равно негде больше применить.

Она спрятала листок в карман-невидимку корсета и направилась в спальню. Вернулась оттуда с небольшим зеркальцем и, поставив его на стол возле окна, принялась прихорашиваться.

— А при чём тут храмовое полотно?

— Вместо кисточек расшиваю, они приятно звенят, настоятелю нравится. Говорит, атмосферу в доме Азары создаёт. И блестят красиво, если хорошо начистить.

Она закончила осмотр «витрины» и, наконец, обратила внимание на своего жениха. Приблизилась, пахнув ему в лицо ромашками.

— Кто бы мог подумать, что из этого хлама можно сделать что-то для дома богини.

— Знаешь, — начала Лира, поправляя Серо воротник, — один парень научил меня делать из хлама полезные вещи.

Взгляд изумрудных глаз захватил всё его внимание на себя.

— Неужели? Я его знаю? — подыграл он.

— Определённо.

— Он хорош собой?

— Вполне. Только ночами где-то пропадает.

— Ну прости.

— Я не обижаюсь. Так больше места в постели.

Сказав это, она резко дёрнула лямку рюкзака, который Серо уже успел закинуть за спину. Дёрнула так, что он покачнулся, на секунду потеряв равновесие — такой силой обладала Лира, когда злилась.

— Плохо ремни затянул, — пояснила она холодным тоном. — Спину перекошишь, а кривой ты мне и даром не нужен.

Серо ничего не ответил. Он искал рукой её ладонь, и Лира позволила ему найти.

Она вновь подняла изумрудные глаза, изящно махнув ресницами. Теперь они стояли почти вплотную. Дальше говорили шёпотом.

— Котелок взял?

— Да.

— А флягу?

— Да.

— А нож?

— Как раз собирался.

Она не позволила ему отвернуться, удержав его лицо ладонью.

— Вот, возьми, — в другой руке Лира держала кобуру с клинком внутри.

Серо даже не заметил, когда она успела подхватить его охотничий нож. Короткий поцелуй стал благодарностью за заботу. Лире этого хватило.

Он уже собирался уйти и закинул арбалет на спину поверх рюкзака, когда услышал:

— Я иду с тобой.

— Что? Ты с ума сошла?

— До лавки Мартена, Серо, — Лира звонко хихикнула.

— Провожу хоть немного.

Она считала долгие проводы старомодными и бесполезными. Долгие сборы тоже не любила, но, несмотря на это,

собиралась всегда долго. Однако в этот раз Серо повезло.

Лира подвязала волосы на спине чёрной лентой, блеснула тонкими золотистыми узорами корсета, когда его поправила, и отряхнула юбку, что делала всегда перед выходом в люди. Проходя мимо Серо, она сунула ему в руки пустую плетёную корзинку и коротко пояснила:

— Чтобы не рушить образ.

После этих слов дочь конюха аристократично сложила руки у живота и медленно «проплыла» наружу, в любезно открытую женихом дверь.

Серо шагнул вслед за ней и на мгновение замер, давая глазам привыкнуть к пёстрому утреннему свету. Где-то вдалеке глухо гудели меха — Дрогон уже работал, а жители Скита давно принялись за привычную дневную суету.

Он взглянул на север, туда, где сквозь густую пелену дымки, разрезанную косыми лучами солнца, вырисовывалась покосившаяся башня Древних. Никто из ныне живущих не скажет, для чего она нужна была людям прошлого, но теперь этот памятник былой архитектуры служил людям настоящего в качестве дома их богини. В давние времена это здание, вероятно, уходило высоко в небо, но теперь покосилось, скинув добрых пару десятков пролётов на землю и тем самым дав местным жителям достаточно ресурсов, чтобы возвести целую деревню. Другие примеры построек Древних, на останках которых стоял Скит, так сильно не впечатляли, составляя в основном пару-тройку этажей осыпавшихся бе-

тонных конструкций.

Отсюда не было видно верхних ярусов башни, их загорала целая сеть подвесных деревянных мостков, соединяющих разные этажи руин, приспособленных местными под собственные нужды. Чем меньше периметр, тем меньше вдохновенных нужно для защиты от сполохов и тем ниже шанс, что Скит обнаружат. И потому принцип расселения не вширь, а вверх использовался здесь повсеместно.

Серо шёл рядом с невестой, будто оказался тут случайно и со стороны больше походил на вооружённого до зубов телохранителя знатной особы, чем на её жениха.

Стояла густая дымка, удерживающая в воздухе солнечные лучи, а всё вокруг наполнял запах костра. С тех пор, как Скит начал принимать изгнанников из Ашгалона, встал вопрос о том, чтобы сокрыть поселение от мира. Прадед Серо придумал систему вытяжек, которая расстилала дым от кузницы по всей окрестности, создавая естественную на вид пелену, покрывающую землю и лес вокруг. Со временем к этой системе стали подключать все дома в деревне.

Для каждого, кто родился в Ските, запах костра всегда напоминал о доме.

— Так или иначе, я буду там во время обряда, — тем временем говорила Лира, аккуратно перескакивая по разбросанным всюду дощечкам, чтобы не запачкать в грязи туфельки.

— В каком смысле? — нахмурился Серо.

Неужели она явится против его воли? Вроде как этот вопрос они обсуждали уже много раз. Ему совсем не хотелось, чтобы Лира видела его уязвимым. Боли он не боится, но... Неопределённость пугала.

— В профессиональном, Серо. Полотно для храма я сдам до вечера, уже почти закончила. Очень символично, что оно будет покрывать алтарь, под которым богиня, наконец, тебя увидит. Привет, Мартен.

Она дружелюбно улыбнулась старику и помахала ему рукой.

Старьёвщик даже перестал горбиться, блеснув на солнце лысиной, когда увидел любимую клиентку.

— А, Лира, деточка. Я тебя ждал.

— Ну всё, любимый. Отдавай корзинку, дальше я сама.

— А ты, Серо, на охоту же, верно?

— Ничего-то в деревне не скроешь, — доброжелательно буркнул тот.

— Не по традициям это, на охоту ходить раньше, чем Пламение прошёл.

— Я обязательно учту твоё мнение, Мартен, если когда-нибудь решу ещё раз жениться, — непринуждённо ответил Серо, чем вызвал лёгкую улыбку на лице Леры.

— Осторожнее там. Краль говорит, вековников видел у северного края леса.

— Да они раз в год по всем деревням королевства появляются, — вмешалась Лира. — Праздник у них там какой-то.

— Обновлением зовётся, — пояснил старик.

— Да начхать, — отмахнулся Серо. — Лишь бы к нам свой нос не совали.

— Он прав, Серо, — Лира отвела его в сторонку и стала тихонько наставлять. — Не рискуй зазря и не торопись. Богиня...

— ...любит решительных, а не безрассудных. Я помню. Поцелуешь на прощание?

Она кокетливо улыбнулась в ответ. Приблизилась. Приложилась влажными губами к его щеке. Шепнула:

— Остальное вечером.

Нутро парня сжалось от её проникновенного шёпота, но руки он распускать не стал, хоть и очень хотелось. Не на глазах у всей деревни.

Серо видел, как сильно Лира была рада, что он не ушёл ранним утром. После вчерашнего похода к руинам ему решительно захотелось уделить ей хотя бы эти пару часов, чтобы они могли пообщаться и вместе позавтракать. Он ощущал благодарность в каждом взгляде, в каждом её движении.

Но теперь нужно сосредоточиться на охоте. Олин обещал помочь выследить косуль. Путь механика лежал к западной арке.

Серо шагал осторожно, тщательно выверяя каждый шаг, чтобы ненароком не хрустнуть веткой или не поскользнуться на влажной листве. Когда пролезал сквозь очередной раз-

росшийся куст, он аккуратно раздвигал его ветки, а пройдя дальше, также медленно их отпускал, стараясь не нарушить хрупкую тишину леса. Серая куртка помогала ему сливаться с окружением. Арбалет он держал как можно ниже, чтобы не выдать себя случайным бликом блестящих плеч оружия.

Все деревья были молодыми, возрастом не более десяти лет. Оно и ясно — когда эмирра гуляет по земле, постоянно вызывая дикие сполохи тут и там, рано или поздно любое укоренившееся на месте живое создание умрёт.

Олин сказал искать у ручья возле водопада. Но это не значит, что косули точно там будут. Нужно смотреть в оба. Зверь может появиться откуда не ждёшь и тогда счёт будет идти на секунды.

Так говорил дед. Охоте учил он, потому что отца Серо забрал дикий сполох раньше, чем тот успел поведать сыну о том, как быть мужчиной. Мать отправилась в лоно богини вскоре после этого. Пошла искать мужа в пустошь, оставив присматривать за восьмилетним сыном единственного живого родственника, и больше не вернулась.

Серо взглянул на брелок с кристаллом, горевший ровным голубоватым сиянием. Он довольно долго искал ручей, о котором говорил Олин. К этому моменту фляга на поясе уже периодически побулькивала пустотой. Парень склонился над водой, поднеся к ней брелок. Луносвет продолжал гореть мягким светом, сигнализируя о том, что опасности нет.

Бутыль пополнилась свежими запасами.

Где-то вдалеке послышался волчий вой. Серо остановился, пытаясь на слух определить расстояние, но быстро понял, что это глупая затея, ведь он не провёл за охотой долгие годы, как его дед, а выбрал ремесло другого толка. Такого, которое позволило молодому механику собрать его самозарядный арбалет. Тяжёлый и громоздкий, но, благодаря встроенной пружинной катушке и двойным плечам, данный экземпляр обладал возможностью автоматически перезаряжаться до пяти раз, успевая только дёргать доводчик.

Серо рассчитывал, что если не попадёт с первого раза, то успеет сделать второй выстрел до того, как зверь сбежит.

С другой стороны ручья виднелась какая-то странная пустота в зарослях. Любопытство повело молодого механика изучить аномалию. То была небольшая поляна, буквально два на два метра, идеально круглой формы. В центре виднелся странный объект, каких он раньше не встречал. Кольцо из грибов с красными шляпками выглядело как нечто инородное и чересчур симметричное для того, чтобы это могло быть делом рук природы.

Серо поднёс брелок поближе к кругу, и кристалл внутри оправы начал потихоньку затухать.

— Любопытный сполох, — констатировал он, возвращая «детектор» на пояс.

Трогать не стал, а аккуратно обошёл круг грибов стороной, продолжив охоту.

Дальше решил идти по течению ручья, чтобы проверить

наводку Олина.

В пути Серо не встретилось даже зайца, и ему было известно почему. В своём стремлении порадовать Лиру он пренебрёг правилом — вставать на охоту вместе с солнцем. Что ж, теперь за это будут расплачиваться его ноги, не привыкшие двигаться в полусогнутом состоянии часы напролёт.

Уже вечерело, когда среди листвы и стволов, наконец, промелькнуло рыжее пятно.

Серо замер, даже не дышал. Потом медленно, до дрожи в коленях, присел, направив арбалет в сторону косули. Прицелился.

Щёлк!

Болт разрезал пустоту и зверь, испугавшись резкого звука, ускакал прочь быстрее, чем парень успел дотянуть до водчик. Послышался шёпот, наполненный грязной руганью. Охота продолжилась.

Водопад был уже недалеко. Серо опасался, что возможно, спугнул единственного зверя, которого встретит. Но отчаиваться не стал, продолжив идти по запланированному пути.

Он не сразу заметил, поскольку привык к этому запаху, но быстро осознал, что тут не Скит — здесь не должно пахнуть костром. Серо втянул воздух и замер.

Сперва решил, что ему показалось, но чем дальше он шёл, тем сильнее в аромате гари ощущался запах жареного мяса.

Серо невольно нахмурился. Ни один охотник из Скита не стал бы разводить огонь в лесу, рискуя привлечь внимание к

деревне. Не говоря о том, что случайный дикий сполох мог подхватить пламя и начать пожар.

А если не из Скита?..

Он быстро проверил, заряжен ли арбалет, и пригнулся, двигаясь теперь ещё ниже, почти на корточках. Под ногой треснула ветка, своим хрустом заставив сжаться всё его существо и на несколько секунд остановить движение.

Запах дыма усиливался, смешиваясь с влажным ароматом, какой всегда бывал там, где падает вода. Через какое-то время впереди появились блики костра.

У подножия водопада, там, где ручей расплёскивался мелкими струями в небольшую чашу воды внизу, был устроен лагерь.

Три человека. Двое из них в кожаных доспехах, с короткими мечами на поясе. Между ними, над костром, на вертеле жарилась дичь. Косуля, судя по размеру.

Но взгляд Серо зацепился не за тех двоих.

Чуть в стороне, ближе к скале, стоял третий — в белой мантии с капюшоном, отороченным красной каймой. Под тканью блестел серебристый металл шлема с открытым подбородком. Издалека было неясно, женщина это или начисто выбритый мужчина. Неважно. Молодой механик узнал образ. Он читал о них в старых книгах, о них рассказывали те, кто приходил с Тропы отверженных.

Вековники. Служители церкви Ашгалона, избранные самой богиней.

Серо сжал рукоять арбалета сильнее.

Что они, сполох их забери, делают здесь? Зачем покинули свои безопасные города, окружённые барьерами?

Он медленно, чтобы не шуметь, выдохнул и припал к земле, стараясь рассмотреть ашгалонцев получше.

Солдаты переговаривались коротко и лениво, а вековник был неподвижен, словно врос в камень, на котором стоял. Лишь иногда он поворачивал голову, будто слышал что-то, доступное лишь его ушам.

Серо узнал этот жест. Так делали вдохновенные в Ските, когда стояли в карауле. Прислушивались к эмире, чтобы лучше ощущать её потоки.

Нужно возвращаться. Плевать на охоту! Безопасность Скита... Лиры — превыше всего.

Он уже собирался отползти назад, но вдруг ощутил, как в груди нарастает странное давление. Лес вокруг будто замер, и даже шумный водопад стал тише. Серо понял, что не может пошевелиться, когда попытался развернуться.

Механик дал сигнал конечностям, но ноги не послушались. Он попытался перевести дыхание, не понимая, что происходит. Казалось, всё тело будто бы обёрнуто в нечто незримое, сдерживающее любой порыв к движению. Пальцы судорожно пытались удержать рукоять арбалета. В воздухе стоял тихий, низкий звон, как если бы кто-то ударил в огромный колокол, не слышимый никем, кроме Серо.

Запах озона пришёл уже после того, как он понял, что по-

пал в сполох. Не дикий, вызванный хаотичными потоками эмирры, а управляемый чьей-то волей. Волей, направленной сейчас против него, Серо.

Холодок... Да что там холодок — снежная лавина прокатилась по спине от осознания происходящего. Он видел всё: костёр, блики света на шлемах, силуэты солдат у воды. И как один из них посмотрел в его сторону, будто услышал какой-то шум.

Но Серо не мог пошевелить и пальцем, не то что шуметь. Откуда они?..

Вопрос отпал, когда он услышал тихий шелест позади, а затем ощутил чьё-то присутствие.

— Не пытайся двигаться, — спокойный мужской голос прозвучал тихо, но внутри головы Серо слышался раскатом грома.

Он хотел обернуться, но мышцы не послушались. Получилось только перевести взгляд, да и то с трудом.

Из чащи показался силуэт. Тот же белый плащ с алым кантом, тот же зеркальный шлем, что и у вековника в лагере.

Белая фигура шагнула ближе. В каждом её движении ощущалась безупречная выверенность и плавность, словно этот человек не мог сделать что-то не так. Казалось, сама природа подчиняется его воле, услужливо пропуская через заросли. Арбалет, зажатый в руке Серо, дрогнул. Он собрал всю волю в кулак, лишь бы не выпустить рукоять из рук. Вековник даже не обратил внимания на оружие.

Наклонившись, он взглянул на обездвиженного парня сквозь блестящее забрало шлема. В отражении Серо увидел своё лицо — перекошенное, с приоткрытым ртом, без возможности что-либо сказать.

Он почувствовал, как его схватили за шкуру и легко, словно пушинку, подняли над землёй, оттаскивая в сторону лагеря.

Вековник швырнул парня в кучу хвороста, вызвав возмущение солдат сей хворост собиравших.

— Да что б его, господин служитель церкви, можно поаккуратнее?

Тот даже не обратил внимания на недовольный возглас.

Серо лежал на боку. Тело всё ещё не слушалось, но в пальцах появилась слабая дрожь, словно его попытки сопротивления чужой воле, наконец, увенчались хоть каким-то успехом. Но этого всё ещё было мало, чтобы сделать хоть что-то, даже с условием того, что он сумел почувствовать холод металла в ладони — арбалет. Он не выпал. Значит, ещё есть шанс.

Помимо блеска влажного камня и сырой земли, Серо увидел перед собой брелок, оторвавшийся с цепочки от удара. Кристалл внутри продолжал светиться, но уже не так ярко, как раньше. Молодой механик подумал, что вскоре свет внутри совсем угаснет и больше уже никогда не зажжётся.

Вековник, стоявший у скалы, повернулся к приближающемуся собрату.

— Ещё один. Из поселения за Тропой.

В голове Серо вспыхнуло: «Ещё один? Что это значит?»

Глаза всё-таки начали его слушаться, и парень сумел осмотреться.

Он знал мужчину, распластавшегося на краю уступа. Охотник Краль всегда был рискованным, но везучим. Видимо, в этот раз удача подвела, поэтому его труп лежал теперь здесь с открытыми, но безжизненными глазами.

— Так это... Кончайте с ним, как с этим вот, и дело с концом, — проворчал один из солдат, пнув тело Краля.

— Он не вдохновенный, — ответил вековник. Голос у него был спокойный и отстранённый, словно происходящее его мало интересовало.

— А какая разница-то, господа вековники? Ему ж не жить всё равно, — пробормотал второй солдат, перекидывая взгляд с тела на Серо. — Деревню демонтируют подчистую. А сам он долго не протянет.

— Нам приказано избавиться от зёрен злобы и предательства, — произнёс другой вековник.

— Вы это про изгоев что ли? А он чем вам не изгой?

— Мы исполняем волю богини, нам не дозволено вершить судьбы свыше этого.

— Да ладно, Торуг, — обратился к нему второй солдат. — У них на всё отговорки найдутся, не спорь. Прирежем его и дело с концом. Раз они не хотят, придётся нам замарать мечи. В конце концов, приказ нам дали ясный — избавиться от

изменников. Слышал? Изменников. Он из деревни, значит укрывал изгоев. Чем тебе не измена?

Мужчина поднялся и обнажил меч.

После их разговора Серо заметил, что сполох вековника немного ослаб. Вероятно, мысли служителя церкви уже были заняты чем-то другим. Ноги всё ещё не слушались, поэтому молодой механик сосредоточил усилия воли на правой руке.

Он сумел схватить небольшой камень, вцепившись в него пальцами так сильно, что казалось, вот-вот пойдёт кровь. Одно единственное точное движение. Нужно только суметь поднять руку.

— Слышал, парень? — тем временем продолжал солдат. — Зря вы построились на священной земле. За морем надо было селиться.

Камень ударил по брелочу, и тот издал сочный хруст.

«Орудие последнего шанса» сработало. Из разбитого кристалла высвободилась та энергия, которая в нём ещё оставалась. Даже не имея вдохновения, Серо почувствовал, как эмирра отступила. Этого хватило, чтобы сполох вековника на миг ослаб.

Палец сам нашёл спусковой крючок арбалета.

Щёлк!

Никто не успел сообразить, что произошло, как арбалетный болт уже вонзился в белоснежную мантию шлемоносца, удерживавшего Серо.

Вековник пошатнулся, сделал полшага, упал на колени, а

затем повалился набок со звуком падающего мешка с зерном.

Именно эти несколько секунд и были нужны Серо, чтобы, бросив арбалет, рвануть со всех ног в лес.

Крик разорвал тишину позади:

— Давай за ним!

— Не дури, Торуг, там сполохи могут быть!

Были ещё крики. Про то, что без защиты вековника оставаться нельзя, а в лесу беглеца всё равно постигнет участь любого изгоя, но Серо уже ничего не слышал. Он бежал, почти не разбирая дороги, и ощущал лишь то, как быстро колотится сердце, и как каждый вдох режет лёгкие, словно ножом.

Ветки цепляли куртку, оставляя надрывы на ткани. Серо подумал, что Лира разозлится, но не сбавил темп.

Под ногами хрустели сухие корни. Он знал, что нужно замедлиться, что может попасть в дикий сполох на каждом шагу, и потому судорожно пытался построить в голове обратный путь до деревни тем же маршрутом, которым пришёл. Нога в ногу. Возможно, этот путь ещё остался безопасным.

Но доводы разума перекрывала другая мысль: «Нужно предупредить деревню!»

Внезапно небо впереди озарилось белым светом. Так пение Амалии обычно разгоняло забредший в Скит случайный сполох. Только сейчас всё небо озарялось белыми вспышками, которые не прекращались ни на минуту.

Плевать! Если попадёт в сполох, значит так тому и быть. Главное — попытаться успеть к Лире.

Он выскочил на знакомую тропу — ту самую, где недавно ступал осторожно, опасаясь спугнуть коосулю. Несмотря на спешку, Серо передвигался выверено и расчётливо, прыжками вдоль ручья, чтобы случайно не подвернуть ногу.

Белые вспышки в небе всё продолжались, будто над лесом собиралась гроза. Но гром так и не разразился.

Вместо него пришло нечто другое.

Издалека, будто с высоты небес и в то же время из глубин земли, донёсся голос, непохожий на человеческий, продирающийся в подкорку и в само нутро.

Песнь Амалии.

Серо ускорился. Он уже рядом со Скитом. Совсем близко.

Пение звучало не так, как прежде. Теперь молодой механик слышал в нём то, чего раньше не понимал. Больше не было того потустороннего холода и тягучести, от которых он не мог сомкнуть глаз. Нет, песнь не изменилась. Она всё ещё вытягивала нутро наружу, но её суть теперь ощущалась иначе.

Он продолжал бежать. Хлёсткие ветви били по лицу, воздух обжигал лёгкие, но всё внутри внимало песне, как если бы сама неукротимая судьба говорила с ним.

Серо, наконец, понял, о чём она.

О памяти, об утрате, о том, как тяжело лишаться близких, и о том, как они становятся лишь частью твоих воспомина-

ний. О невозможности всё вернуть.

Он понял — Амалия пела не ради других. Она пела, чтобы не утонуть в собственной боли. Каждая нота была выдохом страдания, отголоском Тропы и осколком её прошлой жизни. Серо теперь слышал в мелодии голоса тех, кого изгнанница лишилась волею судьбы.

А потом в песне появилась новая нота. Он вдруг услышал отчаяние. Не страх смерти, а некую... боязнь одиночества. Будто Амалия своими глазами видела, как теряет тех, ради кого она ещё может петь.

Зубы сжались до болезненного скрежета.

В голове вспыхнуло лицо Лиры, но он отбросил её образ подальше, лишь бы отогнать навязчивые, страшные мысли.

Серо бежал всё быстрее, спотыкаясь на каждом шагу, а ветви хлестали его по лицу, но он этого даже не замечал. Сердце колотилось, подгоняя вперёд, как вдруг...

Песнь оборвалась.

Наступила тишина. Не хрупкая, не давящая — пустая. Абсолютное ничто.

Он остановился.

Ему показалось, что помимо песни из мира ушло что-то ещё. Неосязаемое, недостижимое, родное.

Голос Амалии стих, и вместе с ним исчезла надежда на то, что с Лирой всё хорошо. Что Скит ещё стоит, и что он не опоздал.

Тишина легла на плечи Серо тяжёлым грузом, не позво-

ляя ему бежать дальше. Теперь он мог лишь переставлять ноги. Шаг за шагом, интуитивно следуя в сторону пылающего горизонта. Вскоре появился запах гари. Не тот, что обычно шёл от кузницы, а грязный, невыносимый смрад от сгоревшего... всего.

В своих предчувствиях Серо не испытывал наивных надежд. Их забрала с собой Амалия. И он не удивился, когда у западной арки обнаружил её труп с болтом в горле.

Она лежала у подножия сторожевого поста со сломанной шеей — вероятно, упала с вершины здания. Лицо её выражало спокойствие, будто в смерти женщина, наконец, обрела мир. Под ней лежал труп Олина, попытавшегося унести тело возлюбленной.

К тому моменту, когда Серо вернулся, Скит представлял собой один огромный сполох, заставлявший плавиться даже пережившие столетия конструкции Древних. Войти в деревню сейчас не представлялось возможным.

Как Серо ни пытался, первобытный инстинкт выживания не позволял броситься прямо в огонь. Ему оставалось только упасть на колени и... Молиться. Впервые в жизни механик обратился к богине с просьбой, хоть и знал, что та не ответит. Он обещал больше никогда ничего не просить, что будет нести Её слово в мир, и что даже его жизнь Азара может забрать, если пожелает.

Таким его нашёл Дрогон.

— Сифа, здесь Серо! Живой!

Он подбежал к парню, выкрикивая его имя, но тот сначала даже не понял, что рядом кто-то есть. Этот крик показался ему отголоском рушащихся где-то недалеко деревянных конструкций.

— Эй, парень, — уже тише сказал кузнец, положив тому руку на плечо.

Серо поднял голову и встретил хмурый взгляд старого знакомого.

— Живой-таки. Пойдём.

— Лира...

— Всё потом. Пошли, пока сполох тебя не забрал.

Они взяли парня под руки. Дрогон потащил его в сторону леса, а Сифа помогала. Серо отвели туда, где на небольшой поляне, аккуратно обложенной луносветом, собралось несколько человек. Рассмотреть их лица в темноте издали не представлялось возможным, но среди них точно не было девушки с золотистыми волосами, спадающими до бёдер. И этой информации о собравшихся ему было достаточно.

— Эй, Гарвена! Налей поскорее.

Серо усадили на пень, укрыли одеялом и дали кружку какого-то горячего напитка. Он смотрел в одну точку и пил, не различая вкуса.

Остальные что-то тихо обсуждали, кто-то кого-то обнимал, потом пошли споры, стихнувшие также быстро, как они и начались. А позже к нему подошла Сифа.

— Серо, а ты что думаешь?

Он поднял голову. Взгляд девушки был тревожным и в то же время печальным. По осевшей на её лице копоти тянулись светлые дорожки, оставленные слезами. Даже в слабом сиянии луносвета, разбросанного по поляне, Серо сумел различить опухшие красные веки бывшей хозяйки таверны.

— На север? — говорила она, — или следует попытаться просить короля о помиловании?

— Где Лира?

— Серо...

— Где она?

— Нет её...

— Где она?! — он не смог закричать.

Его рука резко, но мягко, просительно, схватила кисть девушки. Но не от этого она вздрогнула, а от взгляда парня, полного пустоты и отчаяния.

Слёзы вновь навернулись на глаза. Сифа попыталась их сдержать и одновременно совладать с бесконтрольно дрожащим голосом. Она высвободила руку, чтобы вытереть лицо рукавом рубахи.

— Лира всё ещё там. В вашем доме, — наконец сказала она. — Солдаты и эти... белые в шлемах пришли перед закатом. Я только видела, как караульный бежал к старосте, а все вдохновенные повыходили на улицы, будто знали... Никто даже переговоров вести не думал, всё просто вспыхнуло в один миг. Шли с запада, и Амалия сразу побежала туда. Её песня сдерживала их сполохи, пока мы тушили пожар. Но...

Ваш дом вспыхнул одним из первых. Мы хотели потушить, но появились солдаты, стали резать без разбора. Олин прикрывал нас, какую-то искру пускал по ним. Наверное, сам как-то научился... Неважно уже. Потом песнь кончилась и появились белые. Дрогон схватил меня и увёл по дымоходам, я ничего больше не видела.

— А Лира? Почему ты уверена, что она была дома?

— Серо...

— Почему?!

— Она кричала! — девушка закрыла ладонями уши, словно слышала что-то, что не могла вынести. — Богиня, позволь забыть этот голос! Она звала тебя, Серо. Потом просто кричала. А потом стихла.

— Хватит, Сифа. Не нужно подробностей, — то Дрогон подошёл. Он стоял в стороне и всё время слушал их.

Серо опустил голову, а горячая кружка в руках вдруг показалась ему слишком тяжёлой, чтобы быть просто кружкой. Пар поднимался тонкой струйкой, но он не ощущал тепла. Мир вокруг для него вдруг оказался совершенно чуждым и непонятным. Таким далёким и неважным.

В таком мире не было места для молодого механика.

А потом он вспомнил слова Сифы.

Лира звала его. Не богиню, не кого-то ещё. Только его. А он не был рядом. И теперь никакие сполохи, никакие молитвы или механизмы не смогут вернуть её.

Ему оставалось сделать лишь одно, пройти последний

шаг. Он уже опоздал и мог не торопиться, но всё равно встал и сразу пошёл в сторону сгоревшей деревни.

— Эй, ты куда, парень? — Дрогон удержал его за руку. — Не ходи туда, не нужно. Подумай.

— Он прав, Серо, — поддержала его Сифа. — Мы решили уйти на север. Построим там новый Скит. У нас есть немного луносвета. Его хватит ненадолго, но мы найдём ещё.

— Я не пойду с вами.

— Не дури, парень! — кузнец сжал запястье Серо сильнее. — Ты нам нужен.

— Вам нужна сейчас надежда, Дрог. А во мне её нет.

Тот чуть помедлил, но отпустил руку парня, сказав лишь:

— Возьми себе хоть один камень. Так просто я тебя не отпущу.

Серо наклонился и поднял с земли светящийся кристалл. Повертел им, глядя старому приятелю в глаза.

— Спасибо, Дрог. Удачи вам.

Он не хотел ничего объяснять или вести бесед. Он сделал ровно то, чего было достаточно, чтобы его отпустили. Им не нужно было знать, что он выкинул луносвет, как только скрылся за листвой; он не хотел разговаривать и потому сказал лишь те слова, какие от него ждали; он сбросил одеяло с плеч, ведь оно ему было не нужно. Серо шёл туда, где собирался найти её.

От дома остался один фундамент с парой обгорелых стен. Запах озона перебивал даже гарь, пыль и пепел вместе взя-

тые. Серо не был вдохновенным, но и без этого знал, что его дом теперь занят плотью Азары, которая не пускала его внутрь.

Что ж. Ради того, чтобы встретиться с Лирой в лоне богини, он пройдёт обряд. Всё кончится здесь и сейчас. Кончится его Пламенем.

Серо протянул руку к сполоху, ощущая дрожание воздуха. В нём не было страха или нерешительности. Он решил. И через секунду был рядом с ней.

Глава 1

Город шумел и сиял. Площадь утопала в цветастых гирляндах, флажках и пёстрых лентах. Медные трубы, утыканные по красным черепичным крышам тут и там, выпускали пар, подсвеченный солнечными лучами. В воздухе витал запах печёных каштанов, разномастных сладостей и жареного мяса, призывая каждого жителя Ашгалона принять участие в гудящем празднике жизни.

Под белыми стенами храмового района с деревянной трибуны исполнял церковные песни детский хор. Солнце отражалось от белых капюшонов их мантий, будто желало ослепить любого, кто посмотрит на ребёнка, избранного высшими вековниками, чтобы петь в честь богини.

Часовая башня мерно отбивала полдень, разливая глубокий звон колокола поверх людских голосов, криков чаек в порту и гудения далёких фабрик, круглогодично дымивших где-то на окраинах города.

Он глубоко вдохнул ароматы праздника, прикрыв глаза от охватившего его чувства восторга. Сегодня жизнь на соборной площади кипела, заставляя сердце юноши биться быстрее.

Вдали, в самой северной части Ашгалона, из вершины гигантской горы с чёрными склонами клубился густой белый дым.

Сестра всё никак не выпускала его руку, чем сильно смущала парня. Но, дабы не потерять друг друга в толпе, приходилось терпеть. Светловолосая девушка то и дело останавливалась, тянула его к прилавкам с праздничными вертушками, жестяными свистульками и фарфоровыми куклами ручной работы, а её голубые, как небо, глаза светились от радости.

— Ханна, да не крутись ты так, на платье себе наступишь!

Она не услышала. Хотя, скорее всего, просто пропустила мимо ушей, ведь прекрасно знала, что большего зануды, чем её брат в мире не сыскать. Именно его вечное присутствие рядом научило девушку не задумываясь моментально отличать, какие слова можно без опаски игнорировать, а какие услышать всё же стоит.

Кончики голубой ленты, вплетённой в её косу, продолжали мельтешить перед его лицом.

— Хено! — позвал кто-то сбоку, перекрывая шум толпы.

Парень коротко шикнул себе под нос что-то неразборчивое.

— Я же просила не ругаться при мне! — Ханна дёрнула его руку. — Что бы сказала мама?

Хено проигнорировал замечание сестры и неохотно обернулся в сторону окликнувшей его девушки. Та сильно выделялась на фоне толпы, в которой каждый выглядел по-праздничному нарядно и в то же время почти одинаково. Яркую рыжину её широкой косы, тянувшейся до пояса, подчёрки-

вал необычайно богатый набор веснушек. В руках она держала корзинку с мелкими деталями, шестерёнками, гайками и, кажется, буханкой свежего хлеба, завёрнутого в полотенце. На щеке — пятно масла. Даже в праздник она выглядела так, будто только что вышла из мастерской.

Слегка пританцовывая на носочках туфелек, начищенных гуталином до блеска, рыжая девица в красном платье подскочила к паре подростков. На ходу она мурлыкала себе под нос мелодию, повторяющую пение хора, звучавшего где-то на фоне.

— Скоро вековники свои чудеса показывать будут. Идёте?

— Мы только вышли, Лисса. Сперва купим яблок в карамели, — с широкой улыбкой на лице ответила Ханна. — Не думала, что отец тебя отпустит.

— Еле вырвалась, — усмехнулась рыжая, указав кивком на корзинку. — Пришлось сделать вид, что за деталями отошла.

— Ты будешь ходить с этим? Ужас, праздник же!

— Праздник — это когда ничего не сломалось, — вторила словам отца Лисса, после чего смущённо опустила взгляд. — Здравствуй, Хено.

— Ага, привет, — буркнул тот, оценивая взглядом её внешний вид. — У тебя руки хоть когда-нибудь бывают чистыми? Есть такая штука, мыло называется.

— Вот и вымой с ним свой язык.

Ханна фыркнула, закатив глаза — опять эти двое собачат-

ся. Элиссандра совершенно не нравилась Хено, ведь имела привычку при любом удобном случае дразнить его. Иногда тот действовал на опережение, что только подливало масла в огонь.

— Хватит вам, сегодня же праздник! — звонко проговорила Ханна и снова мотнула косой.

Ей нравилось это делать. Голубая лента вновь черкнула по лицу Хено. Тот чихнул. Посмотрел в небо, прищурился. Чихнул ещё дважды.

Сам виноват — его была идея. Ханна сильно завидовала подруге, что у той коса гуще, красивее, и потому Хено придумал простое и эффектное решение с лентой, чтобы порадовать сестру и одновременно поставить на место зазнавшуюся Лиссу.

— Вот именно, Ханна, праздник! — заявила Элиссандра. — Пошли чудеса смотреть!

— В бездну вековников! — вмешался Хено. — Если хочешь, иди смотри их чудеса, а мы будем гулять.

— Ладно, ступайте. Может, и не увидимся уже. Я ж ненадолго совсем вырвалась.

— Хено, давай с собой её возмём, ну пожалуйста, — Ханна состроила расстроенную гримасу. — Ты ведь постараешься не действовать на нервы моему брату, Лисс? — она выразительно посмотрела подруге в глаза, намекая, что если та хочет пойти с ними, придётся держать себя в руках. А затем обернулась к Хено. — А ты не будешь ссориться с Лиссой,

верно?

Он закатил глаза, но отказать сестре не мог.

— Идём, лавка мастерской Гилдена должна быть где-то тут! — Ханна, с присущей ей лёгкостью и задором, увлекла всех за собой.

— Опять твои насекомые! У меня до сих пор мурашки, когда того паука вспоминаю.

Ханна уже не слушала брата, ведь, наконец, нашла то место, которое её так интересовало. Оттуда разливался звонкий смех детей, облепивших шатёр с игрушками.

— Хено, глянь-ка! — она указала на украшенную разноцветными лентами лавку, где старый телом, но вечно молодой сердцем мастер Гилден вертел в руках механического жука.

Тот щёлкал крошечными клешнями и дёргал лапками, вызывая у оравы детей восторженный смех. Замысловатые, сложные механизмы игрушки ярко блестели на солнце и выглядели слишком дорого.

— Я бы хотела себе такого.

— Это же детская игрушка, Ханна.

Хено не понимал странного влечения сестры к жукам, насекомым и прочей жуткой мелочи. Однажды она принесла огромного паука, держа его прямо на ладонях. Хено тогда не разделил её восторга, взяв с сестры обещание больше никогда не носить в дом всякую живность, которую та считает милой.

— Эта игрушка, — Лисса сделала акцент на последнем слове, — стоит целого года моей работы в мастерской. Смотри, корпус из латуни, пружины ручной работы. Не детская это безделушка, если честно.

— Такого не засунешь под подушку, — подхватил юноша, стараясь вытянуться посильнее, чтобы загородить собой обзор на лавку.

Безуспешно — младшая сестра была на полголовы выше него.

— Ну давай хотя бы посмотрим! — Ханна потянула его сильнее.

— Эй, — он, в свою очередь, утянуть себя не дал.

Потом поймал её взгляд и, убедившись, что его точно слушают, медленно произнёс:

— Яблоки в карамели, помнишь? — задорная улыбка тронула его лицо. — На голодный желудок я гулять не буду. Сначала — еда, а потом тащи меня куда хочешь.

— Тебе лишь бы набить рот, — подала голос Лисса. — Лучше б вековников посмотрели.

— Ты же хотела, чтобы я замолчал, Элиссандра.

— Почему вы двое вечно ругаетесь?

— Её спроси.

Ханна ждала очередного колкого ответа от подруги, но та промолчала, видимо, вспомнив о своём обещании. Это что, румянец? Странная она стала, аж на два года старше, а ведёт себя, как ребёнок. И Хено вечно недоволен, что она тас-

кается с ними. Они же оба любят что-нибудь помастерить, но Лисса... почему-то вечно называет его наработки хламом. Конечно, её механизмы на порядок лучше. Однажды она из старого чайника и пары трубок сумела собрать масляную лампу, горевшую потом целый месяц.

И всё же подругу надо поддержать. Отец и так держит её в мастерской, не выпуская даже в праздники.

— Ты жуткий зануда, знаешь об этом? — с лёгким укором бросила она брату.

— Я догадывался, — закончил разговор Хено, понимая, что в любом споре он будет в меньшинстве.

Толпа стала реже, и они смогли ускориться.

Лисса что-то тараторила на фоне, возможно даже пыталась, в своей манере, поддеть Хено, но тот не слушал.

В моменте он услышал знакомый каждому мальчишке щелчок тетивы — где-то рядом работал тир. Парень не изменил направление, чтобы не дать сестре поводов для злорадства, но мальчишеский азарт уже захватил сознание юнца, и он пытался выглядывать поверх толпы в надежде найти взглядом заветный аттракцион.

Ещё щелчок! Восторженный крик стрелка, попавшего точно в цель!

— Дай разок стрельнуть! — кричал его товарищ.

Ага! Вон там, у храмовых стен!

Записав в уме направление для дальнейших гуляний, Хено ускорил шаг, направляясь к лавке со сладостями.

— Подожди!

— Ну чего ещё, Ханна?

— Давай ты на пару минут забудешь о своём желудке, — она взглянула в сторону тира, после чего перешла на шёпот.

— Хочу жука!

Хено присмотрелся. И правда, среди призов виднелся тот самый механический жук.

— А ты наблюдательная, когда тебе нужно.

— Я знаю, ты хочешь пострелять сильнее, чем съесть дурацкое яблоко. Выиграй жука, пока это не сделал кто-нибудь другой. Он там один только. Давай, для тебя это раз плюнуть.

— В прошлый раз у него ж ничего не вышло, — встряла Лисса.

— Я тогда просто отвлёкся.

— На что?

— На кое-кого, кто всё время болтает.

— Не выдумывай, Хено.

— Я был младше, а арбалет был большой и тяжёлый.

— Отговорки!

— Элиссандра! — Ханна зыркнула на подругу, веля ей умолкнуть.

Та закатила глаза, но всё же перестала донимать парня.

Хено раскраснелся от того, что сестре пришлось заступаться за него.

— Выиграй жука, братец. Пожалуйста! — не отставала Ханна. — Если выиграешь, куплю твой любимый слоёный

пешталь.

Это уже было серьёзной ставкой, перевешивающей любой голод.

— Ну хорошо, — согласился он. — Но потом я всё равно куплю себе яблоко!

— Ты же ненавидишь даже запах яблок.

— Я люблю карамель!

Возле тира было уже не так много желающих пострелять. Компания мальчишек только что потратила все свои деньги в попытке выбить банки на время, чтобы впечатлить подружек.

Хено кинул монету на прилавок.

— Мне нужен жук.

Усатый хозяин тира в шляпе-тубусе лишь усмехнулся, взглянув на парня свысока.

— С одной монеты шансов у тебя не много, — сказав это, он хитро улыбнулся.

Лицо Хено выражало твёрдую уверенность в себе.

— Но, вижу, ты парень азартный, — продолжил усатый. — В честь праздника я дам тебе одну попытку бесплатно, — последнюю фразу он прокричал настолько громко, насколько мог, чтобы как можно больше горожан услышало его. — Шесть выстрелов, пять мишеней. Сбей четыре, и жук твой.

— Удачи, мазила, — бросила Лисса.

Ханна вновь шикнула на неё, но Хено уже ничего не слышал. Его мысли теперь занимали только жестяные банки,

служившие мишенями. Арбалет оказался легче, чем он помнил. Кольцо к кольцу и медленный вдох вполовину лёгких. Задержать дыхание.

Щёлк!

Усатый сказал, что надо сбить хотя бы четыре. Хено сбил все пять. Шестой болт он молча оставил на прилавке, бросив на Лиссу такой взгляд, будто победил в состязании с ней.

— А ты хорош, — одному только Хено тихо произнёс хозяин тира.

Он театрально, чтобы видело как можно больше людей, снял игрушечного жука с витрины и протянул мальчишке.

— Не мне, — улыбнулся тот. — Вот она у нас такое любит.

Он махнул большим пальцем через плечо, указывая на Ханну. Та всё это время напряжённо наблюдала за мишенями, как будто от её взгляда зависела победа. Голубая лента, вплетённая в белокурую косу, трепетала на ветру, словно это ей было невтерпёж получить игрушку.

— О, юная леди! — мужчина театрально склонился перед девушкой, протянув ей приз. — Король жуков теперь принадлежит Вам!

Ханна смущённо заулыбалась, но подыграла. Она приняла жука и сделала реверанс с поклоном, махнув подолом платья.

Вспышка!

Белоснежная дуга сорвалась с пальцев девочки, словно та взмахнула огромным мечом, состоявшим из света.

Воздух наполнился запахом озона.

Всё случилось в один миг. Хено запомнил лишь треск разлетевшегося на куски прилавка, поднявшееся следом за этим облако пыли и мурашки по коже.

Гроыхнуло так, что задрезбжали стаканы на витринах с другой стороны площади. Старый Гилден выронил вертушку, которую показывал детям; один из прохожих вскрикнул; а кто-то просто обернулся с раздражением, решив, что незадачливый стрелок в тире попал в трубу под давлением. Лиса куда-то запропастилась в поднятом облаке пыли.

— Богиня! Вдохновенное дитя! — тихо, одними губами, прошептал хозяин тира.

Но Хено его услышал.

Тело действовало само по себе. Он не знал, что делать, но уже крепко держал сестру за руку и бежал настолько быстро, насколько быстро могла бежать она. Они неслись сквозь толпу, задевая плечами людей, не разбирая дороги.

— Подождите! — послышался чей-то голос.

Бронзовые трубы передвижной коптильни выпустили облако пара. Сквозь него Хено не мог увидеть кричавшего, зато отчётливо слышал быстрый стук тяжёлых сапог по брусчатке.

— Быстрее! — выдохнул он, ощущая, как пальцы Ханны дрожат в его ладони.

Они юркнули в переулок, опрокинув корзину с яблоками, и, не оглядываясь, прыгнули к старым трубам, тянувшимся

вверх вдоль стены дома. Хено начал по ним карабкаться, а Ханна старалась не отставать. Казалось, ещё совсем недавно они, будучи беззаботными детьми, лазили этими путями.

Сверху Ашгалон выглядел совсем иначе. Кирпичные фасады домов уходили вниз, к бухте, где медленно покачивались рыбацкие лодки и небольшие парусные кораблики. Крыши были обтянуты сетью канатных дорог, будто паутиной, а гружёные корзины и платформы скрипели на них, уносясь от рынка к докам. Вдалеке высилась часовая башня с её блестящими медными циферблатами.

Хено не оглядывался, зная, что позади них нависают белоснежные, но наводящие на него сейчас ужас фасады собора церкви.

Ветер с моря бил в лицо, заставляя глаза слезиться. Ханна споткнулась о выбитую черепицу, но Хено вовремя подхватил её за локоть.

Позади, у подножия домов, послышался какой-то шум, который был воспринят двумя подростками, как погоня. Они рванули дальше, петляя по крышам, прыгая через узкие переулки. Там, где взрослый застрял бы, им хватало лишь сноровки и знания лазов.

Они свернули к старым кварталам у гавани, где крыши были ниже, спустились на брусчатку по покатой черепичной крыше и скользнули в арку, юркнув в узкий проход меж двух кирпичных построек.

Домой не зашли — влетели, громко захлопнув дверь. Хе-

но тяжело дышал. Ему казалось, что он до сих пор слышит звуки погони, которую так и не сумел засечь. Ханна молча осела на пол с пустым взглядом, прижимая к себе игрушечного жука, словно тот её защищал.

Из дверного проёма, ведущего в кухню, появилась высокая худощавая женщина. Она вытирала руки полотенцем на ходу, а её рыжие волосы, стянутые в хвост, сильно пушились.

— Что случилось? — голос женщины был строгим, но мягким. — Вы будто дикий сполох увидали.

— Фара... там... — Хено обернулся к сестре, пытаясь подобрать правильные слова.

Та всё ещё сидела на полу, уставившись в никуда и, казалось, боялась даже пошевелиться.

Хено сделал глубокий вдох, успокаивая сердце. Набравшись смелости, он сказал правду:

— Ханна вдохновилась.

Фара оставила полотенце на столе, и в тот момент Хено увидел, как на её лице появилось странное выражение — не злость, не тревога... Что-то, что ему пока было недоступно для понимания. Он видел такой взгляд лишь однажды — так отец посмотрел на мать, когда с той случилось то же, что произошло сегодня с Ханной. А потом её забрали.

— Богиня... — тихо прошептала Фара, прикрыв лицо рукой так, словно устала.

Девочка подняла глаза.

— Я не хотела. Оно само. Я...

— Знаю, детка.

Женщина мягко положила ладони ей на плечи и заставила Ханну смотреть в глаза.

— Слушай внимательно, дорогая. Это не конец. У тебя всё будет лучше прежнего.

— Как у мамы? — испуганно прошептала она.

— Не как у мамы. Поверь, так для тебя будет лучше.

— Нет! — резко перебил Хено. — Она не хочет этого. Мы не отдадим её!

— У твоей сестры два года от силы оставалось. Хорошо, что сейчас, а не позже.

— Ханна, скажи ей... Хоть что-нибудь!

— Я пойду, — тихо сказала девочка, вызвав у брата недоумение.

— Что ты несёшь?! — возмутился он.

Фара обернулась к нему, и взгляд её стал холоднее, а голос твёрже:

— Замолчи, Хено. Такова воля богини. Либо так, либо пустошь.

— Мы её спрячем! Может, они подумают, что им показались!

Ханна покачала головой, сжимая жука так сильно, что её пальцы побелели.

— Меня уже нашли. Я чувствую... вековников.

Фара присела рядом с ней на пол и обняла, осторожно поглаживая по заплетённым в длинную косу волосам.

— Не грусти, дорогая. Всё будет хорошо.

Ханна кивнула, но взгляд её был пуст. Она сжимала губы, чтобы они не дрожали, и молчала, словно боялась, что любое слово в секунду разрушит остатки её мира, не дав времени на прощание.

В дверь постучали. Стук был ровный, уверенный, будто никто и не думал, что им могут не открыть. Фара крепче прижала девочку к себе и тихо сказала:

— Говорить буду я. Молчите оба.

Дверь распахнулась, впустив в дом три величественные фигуры. Их шаги гулко отдались по деревянному полу. Белые мантии, покрытые красной каймой, казались чуждыми в таком скромном жилище. Все трое носили капюшоны в тон рясам, а их лица скрывали блестящие шлемы с открытыми подбородками, выбритыми начисто — вид, угодный богине.

Тот, что шёл впереди глубоко втянул воздух и медленно осмотрел представшую перед ним картину скромного жилища странной семьи.

— Ваши дети? — мягко спросил он.

Тон его голоса разительно отличался от угрожающего внешнего вида вековника. Таким голосом мог обладать заботливый, мудрый учитель, но никак не тот, кто стоял сейчас посреди комнаты. Или так только казалось из-за блестящего шлема.

— Да, — солгала Фара.

— Что-то подсказывает мне, что это не так.

— Они мои и всё тут.

— Что ж, пусть так.

Мужчина сделал шаг вперёд, чтобы лучше рассмотреть Ханну, или чтобы та могла лучше рассмотреть его.

— У тебя сильный след, дитя, — начал он таким тоном, будто хвалил её, после чего тепло улыбнулся. — Богиня вдохнула в тебя свой дар, и с этого дня начинается твоё служение Ей.

— Нет!

Хено бросился вперёд, попытавшись загородить собой Ханну, но Фара удержала его за плечи.

— Остановись, — жёстко сказала она парню, после чего добавила уже мягче, — не нужно.

Мужчина в белом протянул Ханне раскрытую ладонь, будто призывал девочку пойти с ним и вновь обратился к ней:

— Оставь всё, что у тебя есть позади. Оно тебе больше не понадобится, — вековник говорил мягко, по-отцовски, чем вызывал мурашки у Хено, поскольку тот ощутил, что больше не хочет сопротивляться.

Ханна медленно встала. Неуверенно шагнула вперёд, протянув мужчине руку.

— Оставь игрушку. С собой тебе не дозволено что-либо брать.

Жук громко ударился о деревянный пол, и от этого звука Ханну затрясло. Она бросила долгий, полный непонимания взгляд на брата.

Ему позволили обнять сестру на прощание, когда он попросил. Хено не узнал свой собственный голос, казавшийся теперь совсем другим. В нём слышался неподъёмный груз ответственности за сестру, давивший на него долгие годы, и боль потери, через которую юноша проходил уже не первый раз. Он ощущал досаду от провала миссии, возложенной им на себя единолично, когда сперва не стало матери, а вскоре и отца.

Руки Ханна были холодны, но Хено почувствовал то невероятное тепло, которое она хотела выразить этим объятием. А он в ответ сжал её так крепко, будто не собирался отпускать, и в тот момент ему впервые в жизни показалось, что она ниже его. В сердце зародилось жгучее, непреодолимое желание — удержать. То, чего он сделать сейчас не смог, потому что вековник сказал: «Отпусти». И Хено отпустил. Ханна тянулась к брату, но тот уже не держал.

На полу остался игрушечный жук. Его клешни щёлкали, напоминая, что ещё мгновение назад жизнь была другой.

Когда дверь закрылась, Хено показалось, что мир вокруг будто бы стал больше. Словно густой, давящий на сознание туман, пришедший вместе с вековниками, рассеялся.

Он резко и глубоко вдохнул, потому что внезапно осознал, что может. То оцепенение и странная покорность, заставившие его отпустить Ханну, ушли так же быстро, как и появились, оставив после себя лишь пустоту и леденящее осознание того, что он позволил забрать сестру, даже не по-

пытавшись сделать хоть что-то.

От накотившего чувства жгучей досады не помогли избавиться ни объятия Фары, ни её слова, что были призваны его успокоить.

— Больше никогда, — прошептал он.

В мыслях накрепко засел образ вековника, протягивающего руку к сестре. И этот образ отпечтался в его памяти болезненной раной, которая уже не заживёт. В тот момент в груди юноши зародилось что-то новое. То, что жгло изнутри сильнее досады и злобы, переполнявших его сейчас. Ненависть? К ним? К себе? Хено пока не знал. Но точно знал одно — если кто угодно, пусть даже сама богиня встанет у него на пути, он больше не оцепенеет, а любой ценой попытается защитить то, что у него захотят отнять.

Глава 2

Крепкие руки тюремщика толкнули с такой силой, что Хено буквально впечатался в каменный пол. Он не стал подниматься сразу, зная, что любое его действие обернётся лишними ударами, которые здесь любят добавлять просто от скуки.

Решётка заскользила в сторону плавно, почти без звука, пока не достигла упора. Металл глухо ударился о край проёма, издав резкий, раздирающий слух лязг, прокатившийся эхом по коридору. Следом, коротко и сухо, щёлкнул замок.

— Посиди пока тут, — бросил один из тюремщиков.

— А этого-то за что? — лениво поинтересовался другой.

— Сей дегенерат думал, что сумеет обокрасть Инквизиторий. Поймали прям в хранилище, когда он набивал карманы конфискатом.

— И откуда они только берутся? Я думал, вековники переловили уже всех маргиналов.

— Нам же лучше, что не всех, а то глядишь, скоро святоши и нас с тобой заменят, если кончатся такие, как он, — сказав это, тюремщик сплюнул в сторону пленника.

— Да не заменят, а уволят нахрен. Ещё никогда не видел столько пустых камер. Не думал, что когда-нибудь скажу такое, но святоши справляются с работой блюстителей куда лучше. Эти тоже скоро никому не нужны будут.

— Ну, этого-то наши поймали, а не церковные.

— Так я ж и говорю — этот дегенерат сам сунулся к блюстителям в логово. На что рассчитывал — непонятно.

— Тфу, собака безродная! В пустошь таких отправлять надо, следом за изгоями.

Стук тяжёлых сапог постепенно стихал, отдаваясь гулким эхом в каменных сводах. О тюремщиках теперь напоминал только повисший в воздухе запах самогона.

Вдоль коридора тянулась толстая, как ствол векового дерева труба, уходя к потолку возле арки, в которой скрылись те двое. Камера пахла ржавчиной и сыростью. Свет висящих вдоль стены ламп, связанных между собой сетью проводов, дрожал, будто смеялся над ситуацией, в которой оказался посетитель сих катакомб.

Хено остался один. Лёжа на холодном полу, он всё пытался припомнить, когда за свои почти три десятка лет получал по физиономии так основательно. Пару случаев в памяти всё-таки всплыло, но даже вместе взятые они не шли ни в какое сравнение с потасовкой, которую ему довелось пережить совсем недавно. Из-за которой, собственно, он здесь и оказался. Хено поднялся с пола и рухнул на деревянную скамью, заставив её жалобно скрипнуть под весом его широких плеч. Пальцы небрежно прошлись по волосам, взлохматив и без того непослушные каштановые пряди, а затем удобно сцепились на затылке.

Мысли Хено обратились в недалёкое прошлое, когда он своими неловкими действиями запустил цепочку событий,

приведших к этому моменту. А ведь какой хороший был план. Но не сложилось, и поэтому пришлось подставлять свою физиономию, чтобы стража не замела напарника.

После небольшой потасовки, достаточно убедительной, чтобы блюстители Инквизитора купились на её «натуральность», Хено отдался в руки правосудия, уже заранее зная, где окажется. Его грела мысль, что, несмотря на тупую, ноющую боль в боку после нескольких болезненных ударов по рёбрам, он и сам отвесил пару-тройку неслабых затрещин тем, кто посмел сорвать его безупречный план.

— Ну, хотя бы компания приятная... — протянул он, уловив в воздухе знакомый аромат яблок.

В коридоре раздался шорох. С потолочной балки спрыгнула миниатюрная женская фигура в тёмной, плотно обтягивающей тело куртке и не менее практичных для скрытного перемещения штанах.

— И давно ты там прячешься, Мирель? — с лёгкой ухмылкой поинтересовался Хено, а про себя подумал о том, как же ему повезло, что она подготовила запасной план. Впрочем, изучил он его не слишком хорошо, поэтому сейчас целиком полагался на напарницу.

Полутораметровая девушка молча достала из пучка русых волос, стянутых на затылке чёрной лентой, тонкий золотистый инструмент, похожий на спицу. Крутанула его, заставив «раскрыться», от чего тот стал похож на ключ, и уже через миг приступила к взлому. Кисти её рук, облачённые в тон-

кие перчатки, двигались быстро и умело. С тихим щелчком замок дверной створки поддался.

Мирель отставила одну ногу назад и излишне театрально поклонилась, широко открывая решётку камеры.

— Bravo, — Хено почти беззвучно поаплодировал. — Уверен, ты прекрасно справилась бы без этой штуки.

Девушка задорно, но как-то сипло, хмыкнула в ответ, спрятав инструмент обратно в волосы, словно в игольницу. Затем шагнула в камеру, показывая руками некий жест.

— Достал ли я? — усмехнулся Хено.

Он снял башмак и вытащил из него маленькое устройство.

Глаза Мирель расширились от... Нет, её напарник быстро сообразил, что ошибся, ибо лицо девушки изображало вовсе не изумление.

Она ловко выхватила устройство у него из рук и принялась детально осматривать со всех сторон. Стекланный цилиндр с двумя вертикально торчащими шестернями вверху и странным разъёмом внизу выглядел как часть некоего механизма побольше.

— Да не сломал! — поспешил оправдаться Хено.

Мирель ткнула пальцем в маленький шов на корпусе, заставив напарника заинтересованно нахмуриться.

Неужто и правда повредил? Он наклонился ближе, чтобы рассмотреть детальнее.

— Ай!

Девушка толкнула его локтем в бок. Как раз туда, где

недавно побывал увесистый кулак блюстителя.

— За что?!

Широко раскрыв голубые, как небо, глаза, она смотрела на него с величайшим возмущением, какое только можно было передать, не используя рукоприкладство или поножовщину, а её губы беззвучно сложились в слова:

— В башмаке?!

— Всё пошло не по плану. Что мне было делать?

— Запасной план! — на этот раз она сказала вслух.

Голос девушки звучал хрипло и тихо, словно та была сильно простужена.

— Будем считать, что он тоже сработал не как задумывалось. Ай, ну прекрати, больно же!

— Ты не послушался! — Мирель будто намеренно использовала короткие фразы, чтобы не приходилось произносить много слов.

— Брось, главное, получилось, — Хено задорно подмигнул напарнице, а затем, махнув рукой, увлёл её за собой в коридор. — Идём!

Девушка состроила гримасу, провожая его взглядом, и убрала устройство в подсумок.

Коридоры встретили их шипением труб, гулом далёких печей и скрежетом старых моторов. Стены сочились влагой, где-то с потолка капала вода, а пар из проржавевшего клапана обволакивал узкие проходы.

Довольно быстро оба вспотели от стоявшей здесь духоты.

Хено невольно подумал, что ему, в одной лишь рубахе да просторных брюках, ещё повезло, в отличие от Мирель, у которой из открытых участков тела было только лицо. Даже её шею плотно стягивал высокий воротник куртки.

Они проскочили коридор, ведущий из комнаты с камерами и вышли к трём каменным аркам, обложенным по контуру блестящей мозаикой. Ходы эти вели в совершенно разные части здания, и Хено знал как покинуть это место через каждый из них.

Он выбрал левый и уже сделал шаг, но Мирель остановила его, схватив за локоть и мотнула головой в сторону другого прохода.

— Что? Нет! — отмахнулся Хено. — Через паровую быстрее!

Затем он снова подался вперёд, но девушка вновь, словно непоседливого ребёнка, удержала его.

— Да что не так?!

Она показала ладонью жесты, знакомые только им двоим, добавив в конце вслух:

— Решётка! — её голос снова прозвучал скрипучим и слабым. Настолько слабым, что даже голые стены узкого коридора не сумели отразить его.

— Решётка на крыше? — Хено наконец осознал, что хотела сказать напарница. — Спустя столько лет они решили заделать лаз?

Мирель утвердительно кивнула и снова едва различимо

добавила вслух:

— Кухня, — она поводила указательным пальцем по ладони другой руки, будто показывала некий список. — План!

Хено уверенно, по-деловому, кивнул. Он совершенно не помнил запасной план. Но убедительно делал вид, что помнит.

В коридоре были ступени, два пролёта которых пришлось брать бегом, чтобы не заметил случайный служащий, проходивший мимо. Мирель двигалась легко и бесшумно, словно тень. Хено старался не отставать, ведь был не так ловок — где-то предательски хлюпнет лужица под ногой, где-то рубашка зацепится за ручку двери, едва не разбудив спящего в комнате сторожа.

Мирель закатила глаза и показала напарнику жест, придуманный им самим, когда она была ещё совсем неопытной и робкой наёмницей: «соберись». Но тот лишь пытался выровнять дыхание ещё со ступенек, не обращая внимания на мельтешение тонких пальцев в перчатках до тех пор, пока по лбу не прилетело мягкой стороной ладони.

— Хорошо-хорошо, — раздражённо прошептал он.

Вдруг раздался стук сапог по деревянному полу, заставив Хено прижаться к стене, а Мирель — исчезнуть в тени меж широких труб. Силуэты блюстителей в кожаных камзолах с красными повязками на руках прошли мимо очередной арки и, к облегчению двоих затаившихся нарушителей, проследовали другим коридором.

— Вот сука! — самопроизвольно сорвалось с губ, когда Хено наконец выдохнул.

Мирель вышла из тени, тихо шикнула на него и жестом показала: «быстрее».

Чем дальше они продвигались, тем свежее и в то же время прохладнее становился воздух. Напарники остановились у очередной развилки с очередными обложенными мозаикой арками. На этот раз их было две. Хено и Мирель, не сговариваясь, двинулись налево, поскольку оба хорошо знали дальнейший путь.

Когда проходили через кухню, они синхронно стащили по яблоку со стола и, наконец, выбрались наружу, с облегчением ощутив вечернюю прохладу. Узкий переулок дышал сыростью и гарью, но это всё равно было лучше затхлых, душных подземелий. Сверху, между домами, как и везде здесь, тянулись трубы, с которых периодически капал конденсат.

Мирель расстегнула несколько верхних пуговиц куртки, оголив ровный горизонтальный шрам прямо по центру гортани, и стала с аппетитом грызть яблоко.

— Эй-эй, полегче, — остановил её Хено. — Застегнись. Ты вся распаренная, а ветер уже холодный. Не хватало ещё, чтоб заболела.

Девушка вскинула брови, глядя на его тонкую рубаху, будто спрашивала: «Ты сейчас серьёзно?», а затем потянулась к большой куче из металлолома и разного строительного мусора. Она извлекла оттуда старую кожаную куртку и непри-

нуждённо протянула её Хено.

Теперь уже его возмущение не знало предела. Он не умел испепелять взглядом так, как это делала его напарница, зато у него был голос.

— В помойке?! — чуть прикрикнул он. — Ты решила спрятать мою куртку в помойке?!

Мирель закатила глаза, продолжая свою лёгкую трапезу. Она сделала вид, что собирается вернуть вещь обратно в мусор, из-за чего Хено воскликнул:

— Нет-нет, стой!

Куртка всё же полетела не туда, куда грозилась её кинуть Мирель, а прямо ему в лицо.

— Нельзя же так! — запричитал он, отряхивая своё драгоценное имущество. — Её аж из Калиссы привезли. Я целое состояние отдал!

— Сам бросил, — прохрипела Мирель, не испытывая ни грамма стыда, ведь Хено по неосмотрительности умудрился потерять целую куртку во время задержания.

— Не бросил, а оставил тебе на хранение, чтобы не порвали.

Он накинул любимую вещицу на плечи, расстроившись, когда ощутил новый «ароматный» шлейф от подкладки, и уже подсчитывал, сколько придётся отдать портным, чтобы её заменили.

Мирель доела яблоко, не глядя кинула огрызок за спину и полезла в подсумок, где неожиданно обнаружила пустоту.

Хено довольно скрестил руки на груди, наслаждаясь произошедшим далее действием.

Резкий поворот вокруг своей оси в одну, в другую сторону, нервный поиск устройства у себя на поясе — так ведут себя кошки, когда к хвосту прилипло что-нибудь опасно шуршащее. А потом к ней пришло осознание. Она скривила гримасу, выдав протяжное, хриплое «Ха-ха», потому что напарник держал устройство в руках и самодовольно ухмылялся.

— Это всё-таки мой заказ, — пояснил он, а затем спешно проверил время, затягивая наручные часы, припрятанные в потайном кармане куртки. — Встреча уже через час. Надо бы поторопиться.

Мирель извлекла золотистый ключ-отмычку из пучка и протянула его напарнику.

— Он сказал, можешь оставить себе. Мне эта штука тоже ни к чему.

Девушка аж подпрыгнула от радости, довольно заулыбалась, а затем изящным движением руки вернула спицу в «игольницу». Покружилась на одной ноге, как бы намекая Хено, чтобы оценил новый образ.

— Да-да, — протянул он, добавив безразличным тоном, — красиво-красиво.

Ей нравились всякие «игрушки», которые периодически доставались им после заказов.

— Лови, — Хено бросил Мирель яблоко, — тебе одного

всегда мало. А я такое не ем.

Ловко поймав фрукт, она обтёрла его об штанину и продолжила трапезу на ходу.

В народе это место называли «парилкой». Здание, где содержались преступники, вандалы, неугодные церкви фанатики и многие другие представители из категории «попавшихся», было старой заброшенной баней, построенной лет сто назад. Со временем оно перестало выполнять свои изначальные функции, но сложная система подземных ходов, по которым рабочие раньше обслуживали горячие трубы, отлично подходила для временного содержания заключённых до суда. Отсюда же вытекал и главный минус постройки — использование ветвистых коридоров для удержания преступников могло быть полезным, если бы местные тюремщики озадачились изучением карт и прокладкой маршрутов для патрулей. Этого, конечно же, никто не делал. И оттого запасной план Мирель сработал безупречно.

Хено подумал о том, что надо бы пересмотреть её процент за этот заказ, ведь только благодаря напарнице всё в итоге получилось, а сам он, казалось, только мешал. Конечно, можно было солгать, что заказчик заплатил меньше, чем обещал, и всё равно поделить награду поровну. Она, конечно, не поверит, но отнесётся с пониманием. Именно поэтому поступать с Мирель таким образом ему не хотелось.

В любом случае, прямо сейчас нужно торопиться. Заказчик убедительно просил не опаздывать на встречу.

— Не наткнись на вековников, — коротко сказал Хено, поправляя воротник куртки.

Мирель кивнула, устало махнула рукой на прощание и ушла.

Заказчик ясно дал понять, что никто посторонний не должен знать о деле. Но Хено больше беспокоился о напарнице, существование которой старался скрыть от нанимателя, ведь, как оказалось, тот был человеком, приближённым к королю, а с такими лучше всегда сохранять предельную осторожность. Так гласило правило, придуманное им когда-то самим для себя.

Хено взглянул вслед Мирель.

Всё-таки она всегда понимала, когда надо просто делать то, что говорят, не показывая свой негибемый характер или способность одним лишь взглядом заставить тебя сомневаться в том, что ты до этого считал единственно верной правдой. После его неудач на последнем задании Хено ощутил, будто его авторитет в глазах напарницы бесконтрольно падает, и постарался убедить себя, что эта мысль глупая.

Они расстались у часовой башни, рассекавшей вечернее небо острым шпилем. Возвышаясь над городом, она всюду бросала отблески алого заката, отражавшиеся в её бронзовых циферблатах. Несколько раз в день башенный колокол разливал мелодичный звон по крышам, напоминая жителям о ходе времени и о вечности, к которой, по словам церков-

ных духовников, все они идут. Что бы это ни значило. Сегодня колокол уже отзвенел, и улицы Ашгалона постепенно наполнялись вечерним гулом.

От городской стены, отбрасывающей к небу голубоватое сияние барьеров, к башне тянулась канатная дорога. Тяжёлые кабины издавали протяжный скрип, пока инженеры лениво курили, склонившись над перилами. Сквозь облака пара, поднимавшегося из многочисленных дымоходов, тросы канаток поблёскивали серебром, словно струны гигантской арфы. По широкой улице двигались кареты и повозки, расписанные традиционными узорами — золотистыми завитками, в народе символизирующими божественную длань. Лошади звякали медными бубенцами, торговцы выкрикивали последние цены на мясо и выпечку, а запах печёных каштанов тянулся над толпой.

Хено поправил капюшон куртки. Казалось, ещё вчера воздух был по-летнему тёплым, но сейчас осенний ветер с каждым новым днём заставлял всё глубже зарываться в складки одежды.

«Пора доставать шарф», — подумал он, стараясь припомнить, где этот самый шарф припрятал с прошлой зимы.

Далеко на севере дымила гора Аша.

Свернув с освещённой улицы, он шагнул в один из боковых переулков, где уже не было такого пёстрого шума. Грязные камни неприятно скользили под ногами, местами в брусчатке зияли чёрные ямы, а у дверей рыбной лавки копоши-

лись коты, поедая отбросы. Должно быть, местный хозяин так утилизировал труху.

Дальше стало ещё теснее. Окна смотрели в переулок тёмными глазницами, а меж крышами скрипели подвесные сушилки для белья. С каждым шагом город становился мрачнее, словно проглатывая Хено в своё нутро.

Наконец, он нашёл нужное место — неприметную дверь в укромном углу, спрятанную за выступом стены. Петли заржавели, но грязную железную ручку явно недавно трогали.

Хено оглянулся, проверяя, что за ним нет слежки, толкнул дверь и вошёл внутрь. Его встретил прохладный воздух, наполненный тягучей смесью запахов ржавчины, прелой соломой и засохших трав. В помещении царил полумрак. Узкое окошко под потолком пропускало последние полоски лучей заката, а шум города сюда почти не доходил. Было слышно лишь далёкий стук колёс тяжёлых повозок по брусчатке.

Шорох в углу заставил Хено обернуться. Из темноты появилась фигура.

— Я уже думал, придётся избавиться от тебя, как от свидетеля, — мужчина говорил спокойно и размеренно, тоном человека, больше привыкшего повелевать, чем слушаться. — Загреметь в тюрьму — не самый удачный ход.

Хено пожал плечами и шагнул ближе, попутно доставая из кармана добычу.

— Это было в плане. Так или иначе, — пояснил он и передал устройство.

Заказчик взял её левой рукой, представляющей из себя искусный золотистый протез с тонкими серебряными прожилками. Металлические пальцы двигались плавно, с необъяснимой естественностью.

В слабом свете лампы, висевшей на стене, Хено рассмотрел собеседника детальнее. Лицо тот не прятал — высокие скулы, пара седых волос в аккуратно зачёсанной назад стрижке и орлиный взгляд глаз цвета потемневшего янтаря. Все эти черты создавали едва уловимую, но легко узнаваемую опытным наёмником ауру богатства.

— Что ж, вы с напарницей отлично справились, — начал златорукий, убирая устройство в складки плаща.

Хено метнул на него взгляд, сквозящий предупреждением.

— Что? — мужчина вскинул бровь. — Я должен знать всех наёмников, с которыми работаю. Ты говорил, что действуешь один, но твоя напарница весьма примечательная. Между прочим, ты ведь тоже копал под меня.

Он неторопливо зашагал в сторону окна. Подол его плаща легко шелестел по полу. На ходу мужчина слегка провёл металлическими пальцами по стене, издав тихий скрежет, воспринятый Хено как угроза. Тем временем загадочный наниматель продолжил говорить:

— Ну что, уже узнал, кто я?

Хено прислонился плечом к связке старого льна, стараясь ничем не выдать своё беспокойство.

Естественно, он пытался выяснить, на кого работает, хоть ему и было велено не совать нос. Отыскать информацию о странном мужчине с протезом вместо руки оказалось нетрудно, сложнее было сделать так, чтобы об этом не узнал сам наниматель. Хено не стал ничего отрицать.

— И для чего же Зодчему нужны устройства Древних? — непринуждённо поинтересовался он.

Названный Зодчим мужчина обернулся.

— Зови меня Калин. И только тебе дозволено это знать, ясно?

Хено коротко кивнул.

— И раз уж спросил, это не просто устройства, — Зодчий стал медленно вышагивать по комнате, на ходу осматривая прибор. — Произведения искусства, заключённые в металле и камне. Ашгалон... Да что там Ашгалон — весь мир живёт, только потому что Древние оставили нам крохи своей мудрости. А я собираю их и стараюсь понять.

— Это что-то для твоих барьеров? Какая-то новая защита от сполохов?

— Слишком просто, — Калин издал лёгкий смешок. — Мои барьеры, несомненно, слишком сложны для любого инженера Ашгалона, но рядом с этим... — сказав это, он поднял перед собой устройство, держа его на кончиках золотистых пальцев, — ...рядом с этим они как рисунки ребёнка в сравнении с картиной мастера. Примитивная имитация.

— Тебе виднее, великий Зодчий, — безразлично бросил

Хено.

Калин усмехнулся, но ничего отвечать не стал. Потом достал из складок плаща свёрток бумаги и протянул его наёмнику.

— Что это? — поинтересовался тот.

— Твоя премия.

— С чего вдруг?

— Открой.

Хено поднял свёрток перед собой и молча отошёл в дальний угол, туда, где на стене висела маленькая лампа. Развернув бумагу, он стал скользить глазами по именам, написанным на ней. Сотни имён. Все по алфавиту. Почерк прямой, небрежный, словно писарь просто вёл записи, стараясь поскорее закончить, и даже не задумывался о том, кто все эти люди, которых он вносит в список.

— Откуда у тебя это? — только и сумел сказать Хено.

— Вытащил из цепких пальцев вековников. В нём все дети, которых церковь забирала из семей последние тридцать лет. Ты ведь ищешь одного такого?

Хено отвлёкся от чтения. Откуда Зодчему это известно? Хотя, раз этот тип сумел достать список, то ясно, что его круг информаторов крайне широкий. Без разницы. Плевать. Не хватало ещё обратить на себя внимание вековников.

— Нет. Уже давно не ищу, — коротко ответил он и опустил бумагу.

Калин скривил губы в хитрой усмешке.

— А люди, на которых ты работал, говорят иное — что ты долгие годы копаешь под церковь, словно обезумевший. Знаешь, те, кто ищет... людей из этого списка, обычно исчезают. Странно, что тобой до сих пор никто не заинтересовался.

Хено сжал кулаки и приготовился защищаться, ведь Зодчий вполне мог оказаться агентом церкви, который пришёл по его душу. А задание — просто обман. Попытка поймать его с поличным. В голове уже был выстроен маршрут до безопасного места таким образом, чтобы избежать патрулей блюстителей или вековников.

— Расслабься, — спокойно сказал Калин, заметив, как напрягся наёмник. — Я и сам под них копаю. Откуда у меня твоему список? Церковь никому бы не раскрыла свои тайны... добровольно. Хочу помочь тебе.

— Я никого не ищу.

— Хочешь сказать, что бросил поиски?

— Да.

— Хорошо, — Зодчий довольно кивнул, будто получил, что хотел. — Значит, ты не одержим и способен мыслить разумно. А также достаточно осторожен, чтобы церковь не узнала про тебя.

Повисла пауза, в которой Хено судорожно пытался понять, зачем всё это его нанимателю. Тишину нарушил звон монет. Калин вытянул из рукава кошель и положил его на ближайший ящик.

— Вот оплата за заказ, а также надбавка, чтобы твоя напарница не осталась в накладе.

— С чего вдруг такая щедрость?

— С того, что я всегда достойно оплачиваю хорошо выполненную работу.

Хено отвёл взгляд в сторону, обдумывая полученную информацию.

— Список, — после недолгой паузы начал он. — Что ты за него хочешь?

— Ничего. Это подарок.

— Зачем?

— Хочу быть уверен, что ты никуда не денешься, когда мне вновь понадобятся твои услуги.

— Сажаешь меня на крючок? — Хено прищурился.

— Я — твой единственный шанс найти утерянное. Этот список — жест моей доброй воли. Ты отлично показал себя, а напарница неплохо дополняет твои... недостатки. Мне нужны такие люди, и я хочу, чтобы они были ко мне лояльны. Ты мне — я тебе.

— Хочешь пойти против церкви, — догадался Хено.

Калин не подтвердил, но и отрицать не стал.

Предложение выглядело привлекательным, но была ещё одна вещь, за которую мечущиеся мысли наёмника всё же смогли зацепиться. Он несколько раз внимательно перечитал список. Пальцы дрожали, но не от усталости, а от разочарования и пустоты. Слова сорвались с его губ неосознанно:

— Её здесь нет.

— Её? Значит, ты ищешь женщину.

Хено бросил на нанимателя взгляд, сквозящий предупреждением. Калин никак не отреагировал, лишь проявил некое раздражение в голосе.

— Странно, ведь список точно достоверный. Ты уверен, что ищешь именно ребёнка, которого увели вековники? Не была ли она уже взрослой?

— Уверен.

— Что ж, возможно, список неполный или мы чего-то не знаем. Мне будет проще искать, если назовёшь мне имя и род вашей семьи. Она ведь твоя родственница, я прав? Ты бы не положил столько лет на поиски старой подруги.

Хено молчал. Раскрывать Зодчему что-либо ещё он не собирался, ведь прекрасно помнил, что происходит с теми, кто интересуется делами церкви и вековниками.

— Этот список бесполезен, — бросил раздосадованный наёмник.

Имя Ханны так и не прозвучало.

Он спрятал свёрток во внутренний карман куртки. Его движения были резкими, дёрганными, словно бумага обжигала пальцы.

Калин скрестил руки на груди и слегка склонил голову набок. В его глазах плясали отблески лампы, равно как и на золотистом протезе.

— Странно слышать, что это бесполезно, учитывая,

сколько сил я положил, чтобы достать список. Любой другой сказал бы, что это ключ к истине.

— Насрать мне на истину, — безразлично бросил Хено через плечо.

Зодчий подошёл к окну опёрся о край подоконника.

— Иронично, — тихо усмехнулся он.

— Что именно?

— Что она, возможно, ходит по улицам каждый день, а ты и не узнаешь, — Калин прижал ладонь ко лбу, изобразив забрало шлема вековника. — Скорее всего, эта... девушка теперь имеет вид, угодный богине.

Хено промолчал. Его пальцы машинально сжали подол куртки. Калин это заметил, как заметил и внутреннюю борьбу наёмника.

— Я помогу тебе, Хено, ведь мне и самому любопытно, что они делают с детьми. Родители слишком легко отпускают своих вдохновенных отпрысков, а преданность вековников и их готовность умереть за церковь... В этом есть что-то слишком правильное. Слишком искусственное.

Хено перевёл взгляд на лампу. Её пламя дрожало так же, как и его мысли.

— Мне нужно больше, — тихо сказал он. — Я знаю, твоего влияния достаточно, чтобы достать не просто имена. Мне нужно знать, кто скрывается под шлемами вековников. Должны быть какие-то знаки отличия, не по запаху же они узнают друг друга.

— А ты готов рискнуть пойти против церкви?

— Ты же вроде всё обо мне раскопал. Так сам скажи.

— Тогда будь осторожен, — Зодчий кивнул, будто получил то, на что рассчитывал. Но вслух сказал не то, что думал.

— Те, кто глубоко копает, часто исчезают. Церковь ревностно хранит свои тайны и не прощает излишнего любопытства.

— А то я не знаю... — усмехнулся Хено.

— Хорошо. Думаю, я смогу достать для тебя кое-что ещё.

Калин прошёл к выходу и, стоя уже в двери, обернулся, добавив:

— Инквизитор будет искать пропажу. Я бы на твоём месте ненадолго залёг на дно. Но не зарывайся слишком глубоко, для тебя ещё есть работа.

Кошель с монетами тяжело ударился о барную стойку, звякнув содержимым. Табурет протяжно скрипнул.

— Опоздал. Плату ещё два дня назад должен был принести, — сказала Фара, методично протирая деревянный стакан краем уже изрядно потрёпанной тряпки.

В таверне царила тишина. Пахло дешёвым кислым вином и пылью, в углу горела масляная лампа, а где-то среди старых потолочных балок шуршала мышь. Единственным гостем «Тихого часа» был пьяница в нелепой плетёной шляпе. Он спал за столом, уткнувшись лицом в скрещённые руки, и время от времени издавал протяжный всхрап.

— И что теперь? Выселишь меня? — Хено лениво скло-

нился к стойке.

Фара цокнула языком.

— Ага. И табличку на дверь повешу: «Только для пунктуальных жильцов».

Он невесело хмыкнул в ответ и внимательно осмотрелся, словно был тут в первый раз. В слабо освещённом помещении с четырьмя столами для посетителей в глаза бросалось старое пианино, которое никто не настраивал уже долгие годы, и потому оно было скорее частью интерьера, чем функциональным инструментом. Не менее странно смотрелись высокие деревянные часы с маятником. Шестерёнки этого некогда прекрасного экземпляра трудов заморских часовщиков уже давно остановили движение стрелок. Для Хено в «Тихом часе» время будто не шло вовсе. Здесь всегда было 6:30. Вечера или утра — он решал по ситуации.

— Боюсь, гостиница из этого места выйдет ещё хуже, чем таверна.

В ответ Фара расстроено вздохнула.

— Твоя правда. Но это не значит, что тебе теперь всё можно, — она пригрозила ему пальцем. — В следующий раз процент накину за опоздание.

Хено положил голову на барную стойку, ощущая всю усталость последних двух дней. Ему вспомнилось детство.

— Скучаю по тем временам, когда ты вообще не брала с меня плату, — протянул он с нарочитой тоской.

Рука Фары на мгновение замерла. Но уже через секунду

она продолжила протирать стакан и тихо сказала:

— Когда тут была Ханна, всё было по-другому.

Оба ощутили неподъёмный вес повисшей после её слов паузы. Какое-то время тишину нарушал только храп пьяного гостя.

— Всё ищешь? — осмелилась спросить Фара.

А когда ответа не получила, то выпрямилась и мотнула головой, будто отгоняла тяжёлые мысли. Хено устало смотрел в окно. Проследив за его взглядом, Фара увидела, как на улице в свете фонарей весело щебетали две молодые девушки. Одна показывала подруге довольно скромное, но не лишённое изюминки платье, какие часто покупают для ежегодного шествия в честь праздника.

— День Обновления близко, — тихо проговорила Фара.

— Сколько лет уж прошло...

Грустный взгляд женщины, заменившей Хено мать, упал на всё того же мальчишку, потерявшего семью слишком рано.

— Может, хватит уже? Вдохновенные из церкви не уходят.

— Я давно бросил поиски.

— Что-то не верится мне в это. Ты всё чаще возвращаешься в синяках. И... — она сморщила нос. — От тебя несёт, как из выгребной ямы.

Хено не поднял головы с барной стойки.

— Я знаю.

— И синяк вона на шее.

— Я знаю.

— Тебе бы помыться и привести себя в порядок.

Он всё же поднял голову. Его взгляд красноречиво говорил: «Я знаю!».

— Угу, — констатировала Фара, после чего осторожно добавила, — Элиссандра на днях заходила. В кои-то веки... Со всем заработалась девочка. Неважно выглядит.

— Она сама выбрала такую жизнь.

— Как и ты. Никогда не поздно что-то изменить.

— Нам уже не по шестнадцать лет, — резче, чем хотел, бросил Хено в ответ.

Выдохнул, успокоился, продолжил:

— Мы уже стали теми, кем стали.

Он выпрямился, потянулся, в спине что-то хрустнуло. Поморщился от боли и тихонько рыкнул.

— Теряешь хватку, парень, — Фара решила тактично сменить тему. — Со мной тоже такое бывало. Я тогда была молода, за мной бегали удальцы, да покрасивше тебя. Один раз, помнится, убежала от одного такого хахаля, споткнулась и... — она оскалилась, обнажив весьма заметную щербинку в улыбке — Вот! Память на всю жизнь.

Хено снова уронил лоб на стойку.

— Хоть бы раз поддержала...

— А как ты хотел? Чтоб я тебя жалела?

— Кстати о моих синяках... ты не могла бы?..

— Ааа, вот почему явился. Сварил бы сам. Моя кладовка в твоём распоряжении. Я ж столько лет на тебя потратила, учила, объясняла. Всё впустую?

— Фара, пожалуйста, — он не просил, скорее был раздражён ожиданием и болью. — Мне нужна твоя настойка. Белый корень, если память не изменяет.

Женщина расстроено покачала головой и тяжело вздохнула.

— Видела бы моя бабка, да примет её Азара в лоно, кому приходится передавать знания.

Из-под стойки показалась покрытая пылью пузатая бутылка. Фара плеснула в рюмку зеленоватую густую жидкость и пододвинула Хено.

— Эй! Ы-к! — донёсся сиплый крик из угла. Пьяница поднял голову, а его шляпа съехала на бок. — И мне налей!

— Эйвор, пьянь! А ну марш домой! Бедная Галена всё хозяйство тянет, а ты здесь морду заливаешь.

Не успела она договорить, как пьяница снова опустил голову и захрапел.

Хено хорошо помнил дядю Эйвора, угощавшего их с Ханной отборными кусками вяленой свинины. Когда-то лучшего мяса, чем с его хозяйства, в этой части Ашгалона было не найти. Но времена меняются. В какой-то момент всё поголовье Эйвора сморила загадочная болезнь. Пришли вековники церкви, сказав, что стадо поражено эмирровой чумой или как-то так. Забрали тех животных, которые ещё были

здоровы, а больных сожгли. С тех пор фермер уже не был прежним.

— Вот ведь паразит, — пробормотала Фара, вернувшись к стойке. — А ты давай, пей.

Хено опрокинул рюмку и тут же скривился. Однажды, ещё ребёнком, он упал в кучу дорожной грязи лицом. И вкус грязи был лучше.

— Ты бы хоть корень митры добавила... для вкуса.

— Смотри-ка, а ты не всё пропускал мимо ушей. Вот только где я тебе его возьму? В моей кладовке почти ничего не осталось. Кто ж здесь в пустошь пойдёт за кореньками да цветочками? Весь «Тихий час» до сих пор только и держится на моих последних запасах. А смотреть на то, чем тут местные шарлатаны людей лечат... бр-р, покарай их Азара-старуха.

— У тебя же таверна, а не врачевальня. Смотри, как бы Инквизитор не узнал.

— Далась я ему. Тут все свои, даже этот... — она кивнула в сторону Эйвора, попутно наливая ещё одну рюмку.

— Поэтому пей и не выёживайся. Сам попросил. И это не бесплатно, чтоб ты знал, — с этими словами она подхватила со стойки кошель и принялась пересчитывать монеты.

Хено промолчал. Пока Фара считала, он стоически терпел её вечное «Пф-Пф», которым она сдувала выбившуюся из хвоста рыжую прядь волос с лица.

Осушив вторую рюмку, он ощутил, как приятное тепло

начало расплзаться по каждому миллиметру тела, доходя даже до кончиков пальцев. Спинка стула скрипнула.

— Пожалуйста, передай Мирель её долю, — сказав это, Хено положил на барную стойку ещё один мешочек. Поменьше.

— Сам отдашь, — ответила Фара, стараясь не сбиться со счёта.

— Она здесь?

— Наверху. У неё вроде тоже к тебе дело какое-то есть. Влетела бледная, без лица совсем, что-то показывала руками, но я ж ваших штучек не знаю. Хоть убей, ни слова не смогла из неё вытянуть, но кое-как всё же смекнула, что на патруль вековников девочка наткнулась. Всё боится, что её узнают. Вот она и решила помолиться.

Фара на секунду остановилась, будто не решалась что-то сказать, но всё же сказала:

— В этом вы с ней похожи.

— Разве что во снах ты увидишь меня за молитвой. И тот случай в детстве не в счёт.

— Я не о том, Хено. А про то, что оба вы всё никак не смиритесь.

— Молитвами уж точно ни мне, ни ей не помочь.

— Тебе — да, а ей... — она тяжело вздохнула. — Возможно, однажды Азара внемлет просьбам и даст бедной девочке то, чего она хочет. А я продолжу молиться за вас обоих... и Ханну.

Завершив подсчёт монет, Фара с подозрением прищурилась.

— Тут больше, чем должен.

— Хочу, чтобы ты поставила ванную на чердаке.

— Здесь тебе не гостиница, — отрезала она и тем не менее лишнее не вернула.

Позади скрипнули ступени. Мирель спускалась по лестнице, принеся с собой аромат «яблочного» парфюма. За спиной она несла набитый чем-то увесистым рюкзак.

Её одежда была лёгкой, почти праздничной. Белую блузку она заправила в чёрные тканевые брюки, на ногах — аккуратные туфельки. Воротник рубашки, как и всегда, был высоким и существенно закрывал тонкую шею. Она имела привычку застёгивать все пуговицы, даже верхнюю, и всегда носила перчатки в цвет образа.

Внимание Хено привлёк рюкзак.

«Опять потратилась на барахло», — подумал он. А вслух поинтересовался:

— По лавкам гуляла?

Мирель мотнула головой. Несколько прядей волос выбились из хвоста, которым она сменила пучок, что делала крайне редко. Послышалось характерное «Пф-Пф».

«С кем поведёшься», — мелькнуло в голове Хено.

Девушка непринуждённо присела рядом с ним. Голубые, как небо, глаза искрились от нетерпения, а все движения были чуточку дёргаными. Хено это заметил.

— Выкладывай, что задумала?

Покопавшись в рюкзаке, Мирель извлекла из него бутылку и нарочито размашисто, даже церемониально, поставила её на стол.

— «Серквенто»? — глаза Фары округлились от удивления. — Церковное вино. Где ты его достала?

Мирель пожала плечами и тихо прохрипела:

— Старый друг.

— Ты всё ещё общаешься с этим мальчишкой из церкви? — бросил Хено таким тоном, будто насмеялся над парнем, за что словил кислую гримасу со стороны напарницы. — Поосторожней с ним, как бы Вестнику тебя не сдал.

Девушка наигранно ахнула и прижала бутылку к себе.

— Ну хорошо-хорошо, — усмехнулся Хено. — Он неплохой парень. Теперь поделишься?

В ответ послышался задорный, хриплый смешок.

— Так вот почему ты меня искала?

Мирель коротко кивнула, продолжая улыбаться.

Тут в разговор вмешалась Фара.

— Так, детки, сюда со своим нельзя, — она резво забрала бутылку. Потом подмигнула. — Но если поделитесь, я, пожалуй, закрою на это глаза.

— Угу, — Мирель бодро закивала, продолжая тепло улыбаться.

— Такое нельзя пить из моих кружек, — запричитала хозяйка, — погодите, у меня бокалы для вина. Если уж пить

такое, то по всем правилам.

С этими словами она удалилась на кухню.

— Так... Мы что-то празднуем, Мирель?

Та вытянулась, задрал нос и тихо прохрипела:

— Успех!

О стойку звякнул маленький кошель.

— Твоя доля.

Наёмница подхватила его, начав буднично пересчитывать монеты.

— Кхе-кхем. Помнится, ты в успех не верила, — Хено самодовольно ухмыльнулся. — Мой план, конечно, не сработал, но ставка есть ставка. На что мы там спорили, не припомнишь?

Мирель закатила глаза, выудила три монеты и сунула напарнику.

— Люблю, когда удача на моей стороне!

— Это всё богиня.

— Ну да, она ж воришек любит.

Девушка остановила пересчёт, нахмурилась и вообще, будто бы вся сжалась. Губы её дрогнули.

Хено быстро понял свою ошибку.

— Прости, Мирель, я не хотел, — он неуверенно положил руку на плечо напарницы.

Та мотнула головой, как будто отгоняла неприятные мысли и глубоко вздохнула. Затем коротко хрипнула:

— Нормально.

Ещё пару секунд Хено внимательно смотрел, как Мирель сосредоточенно перебирает монеты, а потом всё же попытался реабилитироваться.

— Ладно, раз я выиграл пари, и ты мне помогала... то и презент полагается, — с этими словами он выудил из кармана крохотную золотую фигурку.

Мирель отбросила кошель на стойку и схватила подарок обеими руками, начав пристально его рассматривать, а потом прижала к себе, словно ребёнок, которому подарили самую желанную куклу.

— Нравится?

Она кивнула в ответ. Три раза.

— Я вынес её во втором башмаке.

Девушка тут же поморщилась и резко убрала фигурку от лица, а Фара как раз вернулась с бокалами.

— О, какая прелесть, — сказала она, заметив статуэтку. — Это же Азара-мать. Из золота?! Спрячь поскорее, пока кто-нибудь не увидел.

Мирель бережно уложила подарок в рюкзак и коротко обняла Хено в благодарность.

— И не показывай никому, — добавила Фара, после чего расставила стекло и выразительно продекларировала. — Говорят, из этих бокалов вино раскрывается по-настоящему.

Она ловко откупорила бутылку, и в воздухе разлился сладковатый аромат.

Позже, когда Мирель отправилась домой, а хозяйка тавер-

ны выгнала последних завсегдатаев, коих ближе к ночи всегда прибавлялось, Хено сидел за стойкой и никак не мог заставить себя сдвинуться с места.

Он устал.

Не от рискованной работы наёмником, не от синяков, и даже не от вечных намёков Фары на то, что он живёт как-то не так. А от того, что за двенадцать лет поисков Ханны он так и не приблизился к своей цели ни на шаг. Устал от того грызущего чувства, когда каждый след обрывается, каждая ниточка оказывается ничем, а люди, обещающие помочь, потом просто исчезают. От бесконечных попыток понять, куда церковь спрятала Ханну, и почему та молчит.

Если сестра не хочет его видеть — пусть хотя бы подаст знак. За эти годы она уже должна была стать полноправной вековницей. Почему же тогда не пришла? Или не позвала сама? Если она выбрала церковь, то зачем мучить его неизвестностью?

Нет, Ханна не могла так поступить. Только не после того, как церковь изгнала их мать, отправив её на Тропу отверженных. Они называли маму «злой предательницей» или как-то так, а её дочь — «избранной богини». В этой извращённой логике было что-то гнилое, но казалось, никто этого не замечал. Ни Фара, ни Мирель, ни Лисса. Только Калин смотрел на мир здраво, без прикрас. Благодаря ему у Хено теперь была вера в то, что он, наконец, получит ответы. Что сможет вскрыть гнилую правду о церкви. Что, возможно...

ещё не всё потеряно и сестру получится вернуть.

Хено не собирался слепо доверять Зодчему — достоверность списка ещё предстояло проверить. Но впервые за много лет ему казалось, что путь, которым он идёт, наконец, хоть куда-то вывел.

Глава 3

Балконов во дворце было много. Этот он любил больше других. Отсюда открывался лучший вид на защитные фортификации города. Голубое сияние поднималось от величественных стен Ашгалона, переливалось, мягко пульсировало и казалось живым. Зодчий знал каждый камень, каждую шестерёнку, каждый крошечный винт в механизмах, уберегающих город от сполохов.

Прекрасный, по мнению Калина, вид на незамысловатую и весьма консервативную архитектуру Ашгалона, в которой преобладали простые двух-трёхэтажные дома из красного кирпича, нарушал лишь храмовый район с главным собором церкви по центру. Белоснежные стены, огораживающие целый квартал, где жили лишь храмовники, послушники и вековники, казались чем-то неестественным посреди стройных рядов широких и не очень, рыжих улиц.

На севере, из вершины горы с чёрными склонами, нависавшей над городом мрачной громадой, клубился белый дым.

В длинном коридоре позади раздался чёткий, ритмичный, словно марш, стук туфель. Королевский Стратег шёл ровной, твёрдой поступью. Калину всегда казалось, что Маркус Мерро ходит чуть быстрее остальных. Несмотря на солдатский шаг и неестественную выверенность в каждом движе-

нии, он вовсе не выглядел бравым воином. Любой, взглянув со стороны, никогда бы не догадался, что перед ним главнокомандующий армией Ашгалона. Видимо, какая армия, такой и Стратег. Высокий, но худой. Подбородок всегда гладко выбрит, чего не скажешь о длинных усах, скрученных кольцами. Вероятно, так и должен выглядеть командир армии королевства, которое ни с кем не воюет, но всегда готовится обороняться.

— Мастер Зодчий, — поприветствовал он, чуть склонив голову.

— Мастер Стратег, — тот слегка кивнул в ответ.

— Что, слишком рано пришли на заседание? — тон Маркуса Мерро был дружелюбен, без официоза, словно они два товарища, обсуждающие погоду.

— Просто не люблю быстрый шаг, — задумчиво ответил Калин. — Иногда стоит остановиться и подумать. Если всегда торопиться, рано или поздно можно не заметить ступеньку под ногами.

Он отвлёкся от созерцания города и проследовал в коридор, ведущий к залу совета.

Маркус Мерро шёл рядом. Золотая цепь на его красном мундире слегка позвякивала при каждом шаге.

— А, вы про пунктуальность. Что ж, я в этом вопросе предпочитаю опаздывать вовремя, — попытался пошутить Стратег.

— Интересная позиция. Вы, Маркус, как королевский

Стратег, считаете Его Величество вовремя опоздал, открывая наши границы варварам с континента? — Зодчий слегка повернулся к собеседнику, оценивая его реакцию.

— Видит Азара-мать, в глубине души я надеюсь, он передумает. Послы из Калиссы придут уже к празднику Обновления. Я ни в коем случае не подвергаю сомнению решения нашего государя, но... Было бы лучше подождать, когда шествие кончится, а гора утихнет.

— В этом есть смысл, — загадочно сказал Зодчий.

— В чём именно? — Стратег ход его мысли не уловил.

— Существует ли лучший способ показать, что твоя власть крепка, чем публичная демонстрация единения народа? Король и Вестник потушат священную гору на виду у заморских послов и всего Ашгалона. Такая грандиозная демонстрация мягкой силы может сыграть нам на руку в этих переговорах.

— Мягкая сила не поможет, если мы проявим слабость перед другими, — нахмурился Маркус Мерро, припомнив, что лишь благодаря вековникам маленькое островное королевство Ашгалон боятся все на континенте.

— В таком случае хорошо, что у нас есть профессионал в вопросах грубой силы, — Калин выразил уважение к собеседнику лёгким кивком. — Но Вы не ответили на мой вопрос.

— Успеем ли мы наладить торговлю прежде, чем наши шахты окончательно опустеют? Если рудники истощились,

как Вы говорите, то лишь вопрос времени, когда мы приползём на коленях к калиссианцам или к их восточным соседям и будем умолять продавать нам луносвет. Ситуация кажется безвыходной, и я считаю решение короля дальновидным. Как минимум, сможем договориться о лучшей цене.

— Знаете, как говорят: безвыходной мы называем ситуацию, выход из которой нам не нравится.

— Вы на что-то намекаете?

— Нам ещё так мало известно о мире. Всего каких-то десять лет назад мы просто обкладывали стены луносветом, чтобы защищать наши города от сполохов. Варварство! Немыслимое расточительство! А сейчас — посмотрите. Ни единой капли эмирры не может проникнуть в город без нашего ведома, а устройства, вдохновлённые механизмами Древних, стали неотъемлемой частью нашей жизни.

— А Вы не упускаете возможности превознести свои заслуги, — усмехнулся Маркус Мерро.

— Все дифирамбы поют лишь богине в церковном соборе. Нас с Вами, Маркус, вряд ли запомнят после смерти, если только мы не сделаем нечто, что воистину изменит эту страну, и потому иногда приходится напоминать о себе, что мы не просто маленькие винтики в жизни королевства, а те, благодаря кому всё рано или поздно может измениться.

— Слава — вещь весьма избирательная, господин Вейр. Чаще всего людей помнят за свершения далеко не созидательного характера.

— Я не ищущу славы, Маркус. Мне интересен мир и то, как он устроен.

— И всё же, о своих заслугах напоминать не забываете.

— Это чтобы люди не забывали, что знания — тоже сила, — Калин сцепил руки за спиной и гордо выпятил грудь. — Древние подсказали нам, как защитить себя от... божественного промысла. Их технологии надёжнее, эффективнее и экономичнее в плане луносвета. Согласитесь, для Ашгалона это стало спасением.

— К чему Вы ведёте?

Они остановились у раскрытых дубовых дверей, ведущих в зал совета.

— К тому, что прогресс не стоит на месте, мой друг, — Калин положил руку на плечо Маркуса. — Нужно идти в ногу со временем и учитывать перспективы.

Судя по всему, мастер по стратегии так и не понял до конца, что именно хотел сказать мастер по строительству.

Дверной проём зала совета был слишком узким, чтобы в него могли войти сразу двое. Калин считал это странным интерьерным решением.

Маркус Мерро вошёл первым.

За столом, выполненным из среза непонятно как пережившего многие века дуба, уже сидели двое. Инквизитор, чьё лицо словно вырезали из камня, занимал место слева от королевского. Поговаривали, что никто и никогда не видел его улыбки. Впрочем, как и любой другой эмоции на лице

Дариана Ардена. Справа же от обшитою красным бархатом кресла, стоявшего во главе стола, восседал Вестник Орес. Старик что-то шептал себе под нос, покручивая в руках продольный амулет из полупрозрачного стекла с медными прожилками.

Калин коротко поприветствовал присутствующих. Маркус Мерро сделал то же самое. Оба заняли свои места.

Не хватало лишь одного. Все переглянулись, а Стратег покачал головой, будто говорил: «Ну как всегда».

Вскоре в коридоре слышались шаги — никакого ритма, сплошное шарканье.

В зал вошёл мужчина... Нет, паренёк двадцати лет с бутылкой в руке. Каштановые кудри свисали с его головы, будто он забыл их причесать, но несмотря на это, волосы выглядели ухоженными. Худая фигура была обтянута роскошным бордовым жилетом, прикрывавшим полурасстёгнутую мятую рубаху с золотыми запонками. Скучающий взгляд зелёных глаз не зацепился ни за кого из присутствующих. Он искал что-то иное. Его устроило окно.

— Эй ты, — паренёк обернулся, обратившись к стражнику по ту сторону открытых настежь дверей.

Тот повернул голову и вопросительно ткнул себе пальцем в грудь.

— Да-да, вот ты. Возьми этот стул, — его движения были неуместно театральными и манерными, — и поставь его во-о-от здесь.

Стражник озадаченно взглянул на остальных членов совета, молча наблюдавших за недостойным данного зала поведением юнца. Все давно привыкли к бестактности Алон Фирса и просто её терпели. Всё-таки паренёк, занимающий должность Казначей — двоюродный брат короля. С другой стороны, возможно, присутствующим просто нечего было сказать.

Уже через пару мгновений стул оказался в указанной точке у окна.

— А теперь кыш отсюда!

Стражник спешно ушёл, бряцая латами.

Алон Фирс расселся на том стуле, словно на троне, не побрезгав закинуть ноги на маленький столик, стоявший рядом. Также не побрезгал он и налить себе вина в прихваченный с настенной полки серебряный бокал, который по задумке должен был служить предметом интерьера, но никак не посудой.

Казначей ощущал затылком тяжёлые, недовольные взгляды всех, кто находился в помещении. Затем медленно и чрезмерно выразительно обернулся, изобразив искреннее недоумение.

— Что? — вскинул густые и, несомненно, причёсанные щёткой брови Алон Фирс. — Раз короля сегодня не будет, то встречу можно провести неформально. Я хочу смотреть на море, а не на ваши хмурые мины.

— Это зал совета, а не грязная таверна, — возмутился

Стратег. — Имейте совесть, господин Фирс.

— Ой, да ладно тебе, Маркус, — отмахнулся тот и развернулся обратно к окну. — Опять ты со своей этой официальнойностью. Брось, тут все свои. А мне и отсюда прекрасно всех слышно. Будьте уверены, меня вы тоже будете слышать.

— Не сомневаюсь.

— Может, мы уже начнём? — раздражённым голосом поинтересовался Инквизитор.

— Ты прав, Дариан! — щёлкнул пальцами Казначей. — Первая умная мысль на этом заседании засчитывается тебе! А вторая будет за мной. Насколько помню, мы ожидаем уважаемых гостей с большой земли. Мастер Зодчий, Вы определились с местом, где мы будем принимать их корабль? Для меня это особенно важно, я должен выбрать подходящий антуражу наряд.

Присутствующие недовольно переглянулись. Однако поднятый Казначеем вопрос был действительно важным. Все молчаливо согласились, что с этого можно начать.

— Часовая башня, — твёрдо произнёс Калин, постучав металлическим пальцем по столу.

— Фу, как банально.

— Воздушный порт ради первого и, возможно, единственного визита чужаков, никто строить не будет. Да и времени в обрез. Нам больше негде принять их корабль. На вершине башни есть платформы для обслуживания часов, мы установим на них заграждения, украсим фасады. Будет вы-

глядеть... приемлемо.

— Позвольте спросить, мастер Зодчий, — Алон поднялся со стула, — видели ли Вы когда-нибудь воздушный порт столицы Калиссы?

— Варварские земли. Мы не покидаем священной земли, — ответил тот, как по бумажке.

— А по их мнению это мы дикари и варвары, не заслуживающие внимания. И тем не менее, книжки же Вы читаете, Калин? Хотя бы картинки должны были видеть. Молчите?

Калин не удостоил его ответа. Даже не посмотрел в сторону заносчивого Казначея.

— Что ж, понимаю, — продолжал тот. — Верно, в присутствии достопочтимого Вестника негоже распространять такие знания. Однако, не хотелось бы, чтобы великий Ашгалон, — сказав это, он воздел руки, — столица избранной богиней земли, предстал перед чужаками неброским, скучным городишкой, который...

— Не юродничай, Алон, — впервые подал голос Вестник Орес. — И не вздумай богохульничать в совете.

Этих слов оказалось достаточно, чтобы Алон Фирс — самый бессовестный человек в Ашгалоне — склонился перед священнослужителем и умолк.

— Думаю, не стоит слишком уж стараться их впечатлить, — вмешался Инквизитор. — Король ясно дал понять, что сам займётся переговорами, сразу после праздника. Кстати об этом. Вестник, я распорядился выставить значительно

больше охраны, чем в прошлом году, чтобы ничто не помешало шествию. Пусть Ваши вековники не мешают работать моим блюстителям. Вы, может, и забыли, но у церкви нет права вмешиваться в мою работу. Безопасность праздника всё ещё моя компетенция, не Ваша.

— Сдаётся мне, речь вовсе не о празднике, Дариан. Что ты хочешь мне сказать? — лениво прокряхтел старик.

— В Инквизиторий наведывались Ваши люди, пытались что-то разнюхивать. Это недопустимо! — сперва его голос был строг, однако дальше Дариан резко сменил тон на более мягкий, почти извиняющийся. — Не потому что... кто-то не доверяет вековникам, а по причинам, касающимся безопасности государства. Есть вещи, видеть которые не должен никто, кроме моих людей.

— А, Вы об этом, — изобразил удивление Вестник Орес. — Действительно, я направил пару вековников, чтобы проверить след вора, которого блюстители почему-то упустили, — последние слова он будто вбивал пальцем в стол.

— Вы раздули слишком много шума. Так нельзя. Кажется, весь Ашгалон теперь знает об этом ограблении. Это подрывает репутацию всего Инквизитория в глазах народа. Хотя патрулированием улиц теперь частично и занимаются Ваши вековники, но правосудие и ведение следствия всё ещё в моей компетенции. Помощь слуг богини здесь не требуется. Мы поймаем вора.

— И передадите его нам, — холодно произнёс старик.

— С чего это?

— У меня есть информация, что в том ограблении был замешан вдохновенный. Мои вековники не уловили след эмирры, но он мог рассеяться. Мы только хотим проверить, что среди народа не появился тот, кого следует пустить по Тропе.

— Это не даёт права Вашим людям врыватья ко мне в кабинет без предупреждения. Есть протоколы.

— Господа, — прервал их Стратег, — давайте займёмся делами государства. Инквизитор, где искать Вестника Вы знаете.

— А мне нравится, — подал голос Алон Фирс, за что словил угрожающий взгляд главы церкви и умолк.

— Насколько всё плохо в шахтах, господин Вейр? — поинтересовался Маркус Мерро.

Взгляды всех присутствующих обратились на Калина. Все ждали обнадеживающие новости. Не нужно большого ума, чтобы понимать всю серьёзность сложившейся ситуации. Если сияние стен погаснет — конец всему.

— Наши месторождения ещё дают луносвет, — начал он, осторожно выбирая слова. — Не так много, как мы привыкли. Мои новые разработки значительно сокращают расходы ресурсов, особенно человеческих. А также ускоряют бурение.

— Не юлите, Зодчий, — строго бросил Вестник.

— Тут я соглашусь с нашим духовным лидером, — встрял Казначей. — Дайте нам цифры. Когда барьеры падут?

Они будто допрашивали того, кто обеспечивал безопасность всех поселений королевства. Того, кто своим умом и своими руками построил величайшую в истории Ашгалона сеть барьеров и заграждений. Того, с чьим мнением король считался не меньше, чем с самим Вестником.

Того, кто их всех обманывал.

— Если ничего не изменится, у нас полгода, — уверенно солгал Калин.

Глава 4

— Нет! — хрипло бросила Мирель, мотнув своей «игольницей», из которой торчал острый ключ-отмычка.

— Да ладно тебе. В прошлый же раз всё прошло отлично.

В «Тихом часе», как всегда, было 6:30.

В зале, за столиком у окна, сидел солидный мужчина в дорогой красной жилетке поверх белоснежной шёлковой рубашки. На голове у него красовался бордовый берет с узорной вышивкой по окантовке. Высокие кожаные сапоги, покрытые дорожной пылью, добавляли его благородному образу некую приземлённость. На шее висела странная безделушка в виде небольшой бронзовой сферы, привязанной к цепочке из потемневшего металла. На первый взгляд — просто украшение, навряд ли такие делают местные ювелиры. Однако приглядевшись, можно было заметить внутри три тоненьких колечка, медленно вращавшихся, следуя одной богине известному ритму.

— Нет! — в этот раз она хлопнула ладонью по барной стойке, а потом обернулась, взглянув на мужчину в зале.

Тот непринуждённо потягивал «лучший напиток, какой подают в этом месте», бутылку с которым Фара достала из старого пыльного ящика. За почти два десятка лет Хено ни разу не видел, чтобы она его открывала.

Украшенные разноцветными камнями кольца на пальцах

мужчины блеснули, когда тот отпивал из бокала.

— Он хорошо платит, а я сейчас на мели. Фара из меня всё до копейки выгребла, — тон наёмника стал ниже, а выражение лица почти жалким.

— Могу занять, — шепнула Мирель.

— Ну уж нет. Послушай, это ж раз плюнуть. Даже делать ничего не надо. Прогуляемся до Шиика, тут два дня пути всего.

— Через пустоши.

— Он показал лицензию на луносвет. Она настоящая, я проверил. Думаю, обелиск у него найдётся.

Мирель прикусила нижнюю губу и задумалась.

— Госпожа, — послышался глубокий благородный голос.

Мужчина в красном жилете отставил бокал, звякнув кольцами о стекло. Он медленно поднялся, приблизился к наёмникам и склонил голову в почтительном поклоне. Кольца внутри сферы на его груди беззвучно крутанулись. Каждый жест этого человека был наполнен изысканностью и благородством.

— Госпожа, — повторил он мягко, с почтением. — Не хочу показаться навязчивым, но Ваш спутник прав. Дело простое, и я был бы рад доверить его именно вам.

Мирель развернулась к говорившему, не вставая со стула, и скрестила руки на груди.

— Почему именно мы? — сипло спросила она.

Мужчина не сразу разобрал, что сказала девушка. Секун-

ду он явно был смущён несоответствием хриплого голоса её внешности. Но только секунду. В следующий момент он уже продолжал свою сладкую речь.

— Для начала позвольте представиться. Моё имя — Сигил Фартеццо. Скромный предприниматель, нуждающийся в услугах надёжных и опытных людей. Судя по рассказам, вы двое как раз подойдёте для той работы, за которую я готов очень щедро заплатить.

— Вы не ответили на вопрос, — уточнил Хено. — В городе есть и другие. Почему Вы так старательно хотите нанять именно нас?

Где-то за стенкой звякнула посуда. Вероятно, Фара что-то уронила.

— А кто ещё, как не наёмник Хено, что не раз выполнял заведомо провальное задание, благодаря своей силе и находчивости? И его безымянная напарница — девушка без голоса, для которой нет недоступных комнат. Та, что умеет замечать мельчайшие детали. Ваш колоритный дуэт имеет достойную репутацию среди тех, кто умеет извлекать выгоду из чего угодно. Я ни в коем случае не принижаю Ваши боевые навыки, мастер Хено, но для моего дела я бы хотел иметь двоих охранников. Да и что уж греха таить, вместе будет веселее коротать путь. В конце концов мне, как предпринимателю, важнее всего надёжная защита моих вложений. А приятная компания столь очаровательной особы сделает унылые пейзажи пустоши райским садом в моих глазах.

Щёки Мирель тронул румянец.

— От чего мы Вас должны защищать? От диких кабанов?

— поинтересовался Хено.

— В пустошах есть вещи пострашнее всякого зверья. Наверное, вы двое нечасто выбираетесь за пределы городских стен. Мы же, бывалые торговцы, знаем цену хорошему мечу.

— А Вы сумеете обеспечить защиту от сполохов?

— Обижаете, мастер Хено. Моиobeliski создают барьеры даже крепче, чем у Зодчего. Естественно, на все у меня есть лицензии. Доберёмся до Шиика и глазом моргнуть не успеете.

— Что нужно охранять?

— Меня конечно в первую очередь. Две повозки, да конюхов с грузчиками.

— Мы пойдём южными воротами?

— Интересный вопрос от наёмника. Мы сэкономим несколько часов, если пройдем западными. Мне казалось, это логично.

Он заметил, как Мирель едва заметно поджала губы.

— Какая разница, как покидать город? — продолжал говорить Сигил Фартеццо.

— Мы пойдём южными воротами, — утвердительно сказал Хено.

Скромный предприниматель недовольно нахмурился, но, по-видимому, заново искать надёжных людей ему было лень, и потому он не стал возражать.

— Допустим, я соглашусь потратить несколько лишних часов... Но только ради того, чтобы милейшая госпожа отправилась в это путешествие с нами.

Его улыбка излучала обаяние и лесть.

Хено кивнул. Условия были приемлемыми. Деньги — большими.

— Что скажешь?

— Соглашайтесь, госпожа. Будет очень неловко перед Вестником, если мои благовония и масла не доберутся до храмов в глубине королевства. Без них ритуалы ко дню Обновления не смогут быть проведены.

В глазах Мирель зажёгся интерес.

Сигил это заметил. А ещё заметил побелевшие костяшки пальцев Хено.

— Я вижу, Вам не чужда вера в Азару, — обратился он к девушке. — Эта работа не моя прихоть, это дело для богини. Разве вы могли бы отказать в защите того, что скрепляет веру сотен людей?

— Значит, работа на церковь, — недовольно бросил Хено.

— На меня. Я ведь не заставляю вас склонять колени перед Вестником, а прошу лишь быть рядом со мной в случае опасности. Умоляю, примите моё предложение. Два дня, и вы вернётесь сюда богаче, а главное — с осознанием, что послужили доброму делу.

— Тебе решать, — Хено взглянул на напарницу.

Мирель, недолго обдумав, кивнула.

Раннее утро встретило их сырой прохладой.

«Хорошо, хоть ветра нет», — подумал Хено, поправляя серый шарф, намотанный поверх надетого капюшона.

Громко фыркнула его гнедая, выпустив пар изо рта, как будто согласилась с мыслями наездника.

Он поторопил лошадь, чтобы догнать Мирель, ехавшую впереди.

— Всё получится. Смелее, — успокаивал он.

Девушка обмоталась в точно такой же шарф, как у Хено, но из-за своей миниатюрности она буквально утопала в серых складках. Виднелись только её сонные, голубые, как небо, глаза.

— Угу, — послышалось откуда-то из-под капюшона.

— Идём спокойно и естественно. Строго по центру, — шепнул он ей, прежде чем подал лошадь вперёд.

Южные ворота встретили путников холодным величием серого камня. Триумфальная арка, будто своды гигантского собора, возвышалась над всеми, кого силами судьбы занесло в Ашгалон, возвещая, что это — вход в город Богини!

На внешней стороне врат, высоко наверху, в свете восходящего солнца блестели шлемы вековников, нависавших над каждым прибывающим. Хено не был вдохновенным, но даже не имея дара богини ощутил, как невидимое щупальце служителя церкви скользнуло по нему, а потом, не найдя в наёмнике ни капли эмирры, отпустило.

Мирель ехала позади, сильно ссутулившись, и выглядела сейчас... меньше. Ещё меньше, чем обычно.

— Это какое-то Ашгалонское суеверие? — поинтересовался Сигил, посильнее закутываясь в мантию с шерстяным воротом. — Или традиция? Я про то, что вы с этой очаровашкой выходите только Большими воротами.

— Скорее, привычка, — загадочно буркнул Хено в ответ, тоном голоса давая понять, что большего из него на этот счёт не вытянуть.

Мимо проезжали тяжёлые, гружёные мешками с зерном телеги, которые, скорее всего, уже не первый день находились в пути с дальних ферм. Повозка, шедшая меж двумя другими, выделялась слегка сияющим шарообразным устройством по центру крыши — обелиском.

Они прошли ворота быстро, но без спешки, выйдя на бескрайний простор проклятой земли.

Хено оглянулся назад.

Из-под края плаща Мирель торчал серебристый кончик ножен. Она уже успела приторочить к поясу меч, который до этого прятала под плащом, дабы не вызывать интерес стражи. Лезвие его собственного клинка неприятно холодило спину, и он последовал примеру напарницы, перестегнув ремни к поясу.

— Пойдите, — обратился к ним Сигил. — Нам сначала туда.

Торговец указал на небольшую повозку неподалёку, сто-

явшую под кроной высокой берёзы, давным-давно решившей, что одного ствола в жизни ей будет мало. Телега была неестественно белоснежной, как и цвет сбруи лошадей, запряжённых в неё. На бортах золотились церковные символы.

Когда подъехали ближе, стали заметны фигуры людей.

Сигил спешился.

Возле повозки ожидали две фигуры и имели вид, угодный богине. Торговец коротко переговорил с ними, после чего вернулся к обозу.

— Церковь любезно предоставила нам пару вековников для защиты груза, — с гордостью в голосе сказал он, словно ему лично оказали огромную честь.

— Разве обелиска недостаточно? — нервно бросил Хено, восприняв новость скорее с испугом, чем с облегчением. — На что тогда Вам мы?

— Мой друг, я предпочитаю не складывать все яйца в одну корзину. Один вековник в охране — хорошо, два — ещё лучше. А бойцы мне нужны на случай непредвиденных обстоятельств.

— Вы не говорили, что будут ещё люди и... повозка.

— Они сами о себе позаботятся, поверьте мне. Ваша задача остаётся неизменной.

Хено оставалось только недовольно хмыкнуть. Он направил коня к Мирель и коротко ей шепнул:

— Если что-то пойдёт не так — я рядом.

Она сдвинула брови, всем своим видом выражая неуве-

ренность.

— Я знаю, Мирель, но назад пути уже нет, — добавил он спокойно, положив тёплую руку на холодную перчатку напарницы.

Та глубоко вздохнула, а затем коротко и решительно кивнула.

Сигил легко поднялся на порог своей кареты, достав из складок вычурной цветастой мантии что-то похожее на ключ. Он потянулся к небольшому устройству, расположенному на крыше крытого обоза, перевозившего ароматный товар. Ключ легонько щёлкнул, войдя в скважину в основании обелиска.

Сам обелиск отличался от тех, какие Хено видел раньше. Он представлял собой гладкий металлический столбец высотой чуть больше локтя, с вырезанными на гранях узорами, разливающими мягкое сияние луносвета. Устройство выглядело чересчур вычурно, будто Сигилу был важен не функционал, а эффектный внешний вид.

Свечение разлилось тонкими нитями по узорам, заставив воздух вокруг повозки слегка задрожать. На первый взгляд ничего не изменилось, только лошади тревожно переступили копытами, но вскоре успокоились.

Хено понадеялся, что барьер будет держаться не хуже, чем у обычных обелисков, какими снабжали любые караваны, выходящие из города.

— Вот теперь можно выдвигаться, — удовлетворённо

произнёс торговец благовониями.

Пустошь встретила их мёртвым простором, где ветер гулял между потрескавшимися пластами земли, а сухие кусты цеплялись за редкие трещины, будто упрямо не желали отпустить жизнь. Дорога здесь была скорее догадкой, чем видимым ориентиром. Серая колея терялась то в серых камнях, то в песчаных отмелях, то просто исчезала из виду на добрых пару сотен метров.

Из-под земли кое-где выглядывали покосившиеся обломки древних строений. Широкие металлические балки создавали сложный, но ровный узор каркаса некоего здания, с годами уходившего всё глубже в землю под тяжестью веков. Скорее всего, когда-то давно в конструкции было что-то ещё, но даже само время уже не помнило, что именно. Зелёная поросль словно затягивала остатки здания в землю. Это было непохоже ни на что из созданного руками нынешних обитателей острова. Пустошь хранила много следов тех, кто был до них.

Прошло несколько молчаливых и напряжённых часов, прежде чем они встретили первый сполох.

В стороне, в сухой впадине, неожиданно взметнулся столб пыли и замер, будто вихрь, застывший во времени. Несколько мгновений он стоял неподвижно, а потом рассыпался, не оставив и следа. Лошади фыркнули, но караван двинулся дальше, словно подобные выходы пустоши здесь были привычным делом.

— Мы немного отклонились, — заметил Сигил, сверившись с круглым прибором на цепочке. Диск с переливающимися стрелками дёрнулся и замер, будто указывал на невидимый человеческому глазу путь. — По компасу вроде всё правильно, но вон там, впереди, пролесок виднеется. Он должен быть по правую руку от нас. Вы не находите это странным, мастер Хено?

— Что именно?

— Что даже в таком месте жизнь умудряется возвращать целые леса.

— Действительно, странно.

Наёмник бросил взгляд на наручные часы. Тонкий круглый механизм едва слышно тикал, медленно двигая короткую стрелку за полдень.

Остальные шли позади.

Мирель молча поправила шарф, а взгляд её то и дело скользил к горизонту. Далеко на юге виднелся скалистый хребет, тянувшийся вдоль побережья острова. Периодически появлялись небольшие островки зелени и редкие пролески, покрывавшие сухую вулканическую почву. На севере же, там, где земля и небо сходились в тусклой дымке, пустошь казалась бесконечной.

Из задумчивости её вывел голос Хено.

— Навевает воспоминания, верно?

Мирель лишь беспокойно нахмурилась в ответ и мотнула головой, отгоняя плохие мысли.

В какой-то момент все спешили, привязав лошадей к повозкам — в долгой дороге полезно иногда размять ноги.

Вскоре после этого Хено ощутил капельку пота, неприятно стекавшую по спине, и решил убрать шарф в рюкзак. Тёплые солнечные лучи уже достаточно прогрели воздух, чтобы можно было снять и капюшон. Краем глаза он заметил, что напарница сделала то же самое.

Колёса повозки размеренно скрипели где-то позади, сухая трава шуршала под ногами лошадей, а солнце приятно грело лицо. Хено и Сигил шли немного впереди, оставив Мирель рядом с повозкой.

— Мастер... — протянул торговец, на ходу снимая тяжёлую мантию.

— Просто Хено.

— Хорошо, друг мой. Вы правы. В конце концов, у нас впереди долгий путь вместе.

Хено обратил внимание на безделушку, висевшую на шее собеседника. Когда тот шагал, кольца внутри сферы мягко кружились, подхватывая инерцию движения.

— Остатки древнего гироскопа, — пояснил Сигил, заметив внимательный взгляд наёмника.

— Гиро чего?

— Древние делали много удивительных и сложных вещей, которые я коллекционирую. Разумеется, только те, что «мертвы» и разрешены Инквизитором, — последние слова он добавил скорее для вековников, которые шли неподалёку

и могли слышать его слова.

Хено нутром ощущал, что торговец благовоениями хотел сказать что-то ещё, но молчал. Возможно, подбирал правильные слова?

— Удивительная девушка, Ваша спутница, — негромко начал Сигил, бросив быстрый взгляд в сторону Мирель. — Я заметил... этот шрам.

Не дождавшись какой-либо реакции, он продолжил, теперь уже скорее рассуждая вслух, чем пытаясь что-то выяснить.

— Шрамы на руках или на спине я понимаю, но на горле... Как будто её душили или пытались... наказать. Странное чувство, словно этот след какой-то неестественный.

Хено вновь ничего не ответил.

Сигил криво улыбнулся.

— Не отвечайте, мастер Хено, я вижу, Вы человек скупой на слова. Но позвольте мне сказать прямо: тот, кто поднял руку на такую... — он сделал паузу, подбирая слово, — такое нежное создание...

Наёмник повернул к нему голову и безразлично бросил:

— Можете спросить её сами.

— Что Вы такое говорите? Это было бы до безобразия бестактно!

— Зачем Вам вообще это знать?

— Любопытство — не более, — развёл руками Сигил, блеснув серебряными кольцами. — Лично я в жизни бы не

сумел причинить вред такому прелестному цветку.

— Цветку?.. Она не беззащитна, поверьте. Мечом владеет не хуже моего.

— Тем более, — с готовностью согласился торговец, наслаждаясь игрой слов. — Значит, цветок с шипами. Роза, если позволите. Но шрам всё равно выдаёт некую загадку. А я люблю коллекционировать интересные истории.

Хено промолчал, давая собеседнику понять, что рассказывать историй не намерен.

Сигил чуть замедлил шаг, глядя на небольшой пролесок впереди. Вероятно, снова сверялся с ориентирами.

— Но, — протянул он, — не мне Вас учить, какие тайны нам хранить. Вы сам, Хено, ходячая тайна. Слышал, будто Вы ищете что-то... или кого-то... то, что всё время ускользает. Такие истории будоражат воображение сильнее иных.

Наёмник прищурился и тихо ответил:

— Люди всякое могут болтать.

— Верно! Все любят чужие истории, не свои. Чужими историями мы живём, благодаря им мы познаем этот мир — что является правдой, а что ложью; кто — хороший, и кто — плохой; каким вещам радоваться, а каких стоит бояться. Эти истории ведут нас дорогой жизни. А глядя на Вас, мой друг, я вижу человека, которого ведёт вперёд не дорога, а... голод. Это видно по глазам. Здесь нечего стесняться или стыдиться. Все мы что-то теряли.

Хено помолчал, задумавшись. Потом спросил:

— А если Вы ошиблись, и я ничего не терял?

— Тогда Вы — самый счастливый человек из тех, кого я встречал. Но почему-то я Вам не верю.

Колёса повозки монотонно скрипели, шурша сухой травой.

Сигил довольно улыбнулся.

— Я не любитель выпытывать чужие тайны, но могу сказать одно — вечные поиски счастья редко приносят покой. Скорее только жажду, которая с каждым днём становится сильнее. И потому я предпочитаю довольствоваться тем, что имею сейчас, а не откладывать всё на потом.

Хено стиснул челюсти.

— Может, мне и не нужен покой.

— Тогда Вы идеально выбрали для себя профессию, мой друг.

— Все что-то теряли... — пробубнил себе под нос наёмник, обратившись затем к назойливому собеседнику. — А что потеряли Вы, Сигил?

— Мне, в отличие от Вас, нечего скрывать. Однажды я встретил человека, обещавшего решение некоторых моих проблем. Не стану юлить, я сам тогда выбрал его в качестве компаньона, но очень быстро пришло разочарование. Мои поиски, как и Ваши, не привели к быстрому решению. Он попытался меня ограбить и в итоге чуть не убил. С тех пор я веду дела очень осторожно, потому и плачу так щедро Вам и Вашей спутнице. Именно та потеря позволила мне стать

столь успешным, в каком-то смысле.

Дорога петляла через низкие холмы, где ветер годами выдувал землю, обнажая острые камни. Возможно, и они когда-то были частью величественных построек Древних, но со временем потеряли свою идентичность, став лишь частью унылого пейзажа.

Солнце уже плавно опускалось к горизонту, когда Сигил поднял согнутую в локте руку.

— Привал! — скомандовал он так уверенно, словно даже время суток подчинялось его распоряжениям.

Хено удивился, взглянув на часы. До заката можно было пройти ещё немалое расстояние.

— Мы можем продолжать путь пока светло, — заметил он.

— Ваша работа — защищать меня от опасностей, и в ней я полностью доверяюсь профессионалу. А моя — знать, когда следует остановиться. И сейчас самый лучший момент, чтобы поставить лагерь на ночь.

Никто возражать не стал.

Повозки откатили в сторону, к паре двухметровых валунов, взявшихся тут непонятно откуда. Рядом рос небольшой дуб, под сенью которого можно было удобно разложить палатки. Мирель с Хено держались особняком, выбрав небольшой камень в стороне.

В первую очередь все позаботились о лошадях. Замыкающая караван повозка была вдоволь забита сеном, бочками с

чистой водой и, к удивлению Хено, винами.

Сигил расположился на добротном раскладном кресле, которое извлёк из личной кареты, и с наслаждением потягивал вино. Он вытянул ноги вперёд, закинув их на широкое бревно, что так удачно лежало рядом, и о чём-то задумался. Собравшиеся у огня конюхи и слуги не имели достаточного образования или интересного жизненного опыта, чтобы странный торговец мог насладиться их историями. Его взгляд обратился к наёмникам, отдохавшим возле своих палаток.

«Нет, пока рановато», — подумал он.

С этой мыслью Сигил Фартеццо переключил внимание на молчаливых церковных служащих.

— Господа вековники!

Те только закончили свою трапезу и мыли посуду в закутке, который все члены похода негласно признали помойкой.

— Извините, что отвлекаю от важного дела. Вижу, ужин вы уже окончили. Но у меня тут возникла проблема, решить которую помогут только двое сильных, верующих в богиню мужчин.

Вековники переглянулись. Тот, что пониже, едва заметно кивнул, и они подошли поближе.

Сигил всегда говорил с излишней любезностью, а в его движениях сквозила напыщенная театральность, и эта манера поведения крепко срослась с образом странного торговца

благовониями, никогда и никого не смущая.

— Видите ли, моя повозка полна изысканного церковного вина, которое можно пить только истинно верующим людям.

Один конюх попытался что-то сказать — скорее всего о своей крепкой вере, о том, что с детства посещает службы каждую неделю, что мать его, как и бабка, до смертного одра молились каждый день, дабы Азара-дитя скорее вернулась в мир...

— Молчи, Бромор! — сразу перебил его Сигил. — Я видел, как ты пялился на Сейху, пока она стелила в палатке.

Служанке не понравилось то, что она услышала, и потому конюх стих так же быстро, как и попытался подать голос.

Вековники приблизились к кругу света, отбрасываемого костром, а тот, что повыше, сказал:

— Мы не пьём.

Сигил вскинул брови.

— Неужто вам запрещено испытывать хоть мелкие радости жизни? Это ведь почти святотатство — лишить себя удовольствия испить бокал после такой утомительной дороги!

— Не запрещено, — коротко ответил всё тот же вековник. — Но для безопасности похода нам лучше сохранять ясность головы.

Торговец понимающе кивнул, не переставая дружелюбно улыбаться.

— Понимаю, в этом есть резон. Но компанию-то вы нам составите, верно? Пусть хоть огонь будет общим.

Не дожидаясь ответа, он хлопнул ладонью по бревну и продолжил:

— Присаживайтесь, прошу. У вас есть прекрасная возможность, чтобы поделиться со мной своей мудростью. Насколько помню, Азара учит своих слугителей нести Её слово везде, где это представляется возможным. Так вот, сегодня мои уши к вашим услугам.

Вековники переглянулись и молчаливо согласились с предложением.

— Мастер Хено! — окликнул Сигил наёмника, сидевшего возле своей палатки с кружкой какого-то горячего напитка. — Господа вековники согласились разделить со мной вечернюю... — он взглянул на свой бокал, — назовём это трапезой. Присоединяйтесь! Уверен, с такими благородными слугителями богини, как наши спутники, будет о чём поговорить.

Хено взглянул на Мирель, усевшуюся под дубом на шерстяном одеяле. Свет стоявшей на земле лапы падал на небольшую книжку в твёрдом переплёте, которую девушка с интересом читала.

Подумав — «А почему бы и нет?» — наёмник принял предложение торговца.

— Эй, Бромор, налей-ка нашим уважаемым гостям горячего чая. Чувствую себя неловко, если пью один. А Вы, Хено...

Наёмник слегка наклонил кружку, давая понять, что у

него уже есть напиток.

— Позвольте мне представить вас друг другу. Это многоуважаемый мастер Роэн — тот, что повыше, кивнул, блеснув забралом шлема, — и мастер Фрок. Достоинейшие служители церкви Ашгалона!

Хено нехотя тоже кивнул.

— Господа, это мастер Хено — мой... телохранитель в этом походе.

Повисла пауза, нарушить которую довольно быстро решил хозяин каравана.

— Какой уютный сегодня вечер, не находите? — Сигил обращался сразу ко всем, после чего повернулся к вековникам, усевшимся на бревне с дымящими кружками в руках. — Позвольте, пока мы сразу не перешли к разговорам о божественности, я бы хотел задать один вопрос, который мучает меня уже долгие годы. Каково это — никогда не снимать шлем?

— У нас нет запрета снимать шлемы. Наши лица скрыты только от тех, кто не принадлежит храму, — ответил тот, что повыше.

Сигил отметил для себя, что, по-видимому, он более разговорчивый, чем его собрат по вере.

— Так сказала богиня?

— Так сказал наш Вестник. А он несёт Её слово в мир.

— Значит, между собой вы знаете лица друг друга? — вмешался Хено, стараясь выглядеть непринуждённым.

Вековники переглянулись, будто решая, стоит ли отвечать.

— Честно признаться, — начал Роэн, — я не помню лиц всех, кто служит в храме. Не уверен, что узнал бы Фрока, сними он шлем.

Даже не видя его глаз, все присутствующие уловили удивлённый взгляд вековника, развернувшего забрало в сторону товарища.

— Прости, брат. У меня плохая память на лица, — оправдался тот, с долей иронии в голосе. — Но вот его эмирровый след я вряд ли смогу с чем-то спутать.

— Значит, вы знаете, так сказать, «ауру» всех своих? — уточнил Сигил.

— Да. Мы чуем всех вдохновенных.

— Ваш церковный способ отличать друг друга весьма оригинален, — восхитился торговец благовониями, добавив, — как будто специально придуман богиней для того, чтобы её слуги имели возможность никогда не снимать шлемов.

— Воистину.

— Поэтому вы сразу находите каждого, кто вдохновился? — заинтересовано спросил Хено.

— Все, кто обладает способностью воспринимать эмиру могут чувствовать друг друга на расстоянии. Вы разве не знаете? — казалось, Роэн был искренне удивлён.

— Видимо, это одна из тайн, которые церковь так бережо

хранит, — задумчиво пробормотал наёмник сам себе.

Впрочем, служитель церкви всё равно его услышал.

— У нас нет никаких тайн. Двери церкви открыты для каждого, кто хочет служить богине.

Хено впервые видел, чтобы уголки губ вековника хоть чуточку дёрнулись вверх. Что это? Издёвка? Или он так неловко пытается быть дружелюбным? На мгновение Хено сжал кружку так сильно, что казалось, она сейчас лопнет.

— Возвращаясь к теме ваших обетов. А если зачесется голова? — Сигил указал пальцем себе на макушку. — Что, тоже шлем нельзя снять?

Фрок покопался в складках мантии, достав оттуда тонкую изогнутую палочку, и впервые за вечер заговорил:

— Для таких случаев у нас есть специальные приспособления.

— Хм, просто и практично, — торговец почесал покрытый седой щетиной подбородок. — И как я сам не догадался. А ведь столько лет голову ломал.

— Это чтобы семьи не могли узнать своих детей? — угрюмо спросил Хено. — Я про шлемы. Что богиня об ЭТОМ думает?

— Моему другу не хватает такта, простите его, но ведь и правда, интересный вопрос, господа. Не примите за дерзость, но меня раздрает от любопытства — почему ещё ни один вековник не пожелал покинуть службу? Вернуться к своей семье.

Хено подался вперёд, всем своим видом показывая, что от любопытства распирает не только торговца.

— Сегодня, — начал вековник, — я ненароком услышал часть Вашего с телохранителем разговора. Вы любите коллекционировать чужие истории, я верно понял?

— А у Вас есть на примете такая, мастер Роэн?

— Да, Сигил. Как раз та, которая ответит на заданный Вами вопрос. Но прежде, чем я расскажу её, разрешите полюбопытствовать — Вы ведь не из здешних мест, верно? Я никогда раньше не встречал людей с таким необычным именем, а о Ваших скудных знаниях наших традиций вообще молчу. Откуда Вы?

— Это правда, я не с вашего острова. Имя я выбрал себе сам, ибо родители не удосужились дать его мне. Точно не знаю, где мои корни. Я жил в Калиссе, Линдоре, Аш-Аман-Васе... В какой-то момент вовсе сбился со счета, сколько мест за жизнь послужили мне домом. Но в конце концов, я решил остаться здесь. Признаться, было непросто добиться разрешения Вестника Ореса стать гражданином Ашгалона. И всё же разрешение он дал. А почему Вас это так заинтересовало?

— Природное любопытство, только и всего. Как и Вы, я рос не в столице нашего королевства, а в небольшой деревне на южном берегу. Ласкана. Слышали о такой?

— Никогда.

— Вот и нам тогда казалось, что никто и никогда о нас не

слышал, хоть мы и обеспечивали рыбой добрую часть острова. Мой отец был человеком... суровым. Мы ходили в бухту в любую погоду и в любое время года. Он говорил, что погода не для рыбака, она для рыбы. Один раз, помнится, мы на лодке даже за обелиски вышли, пошли за крупным косяком. Представляете?

— Говорят, люди вырастают копиями своих родителей, — ответил Сигил. — Мне понятно теперь, почему Вы вызвались вести наш караван. Ищете острых ощущений.

— Это не имеет отношения к моему отцу. Мне поручено выполнять волю нашего Вестника. Я продолжу, если позволите.

Мать, женщина тихая и верующая, блее мела была, когда мы вернулись. Я тогда чуть не утонул, но хвала богине, вернулись все четверо: мы с отцом и двое моих старших братьев. Помню, в тот день пошёл послушать прибой. Мне казалось, есть в этом звуке что-то возвышенное, словно богиня так говорила со мной. За это меня считали странным.

На следующий день стояла ясная погода, и отец ушёл в море один. К вечеру люди заметили, что несколько лодок в бухте исчезли. Никто не видел, как, но оно и ясно... Случайный сполох забрал очередную дань богине. Вскоре после этого мать сошла с ума от горя. Пришли вековники из церкви и забрали её в лечебницу. Обещали о ней позаботиться. Мне было невдомёк, что, скорее всего, больше её не увижу. Мои братья обвинили меня в смерти отца, ведь это я «разговари-

вал» с волнами. Словно по моей указке богиня забрала тех рыбаков. А вскоре после этого случилось моё вдохновение. Догадайтесь, во что превратился стакан воды, что я держал в руке в тот момент?

— Неужто в вино? — торговец вскинул бокал. — Хотя, зная, как это происходит в большинстве случаев, скорее всего, в прах.

— Вы почти угадали, Сигил. Вода в моих руках стала паром, как по щелчку пальцев. Правильно хмуритесь. Мой сполох мало где применим, но позже церковные братья обучили меня своим, более полезным. После вдохновения сразу появились вековники и забрали меня в новый дом. Теперь ответьте сами на свой вопрос — захотели бы Вы вернуться к той жизни, которую я описал?

Сигил задумчиво потёр подбородок.

— Что ж, тут Вы правы, мастер Роэн. Не вижу поводов.

— Церковь дала мне новую, любящую семью; она дала мне цель в жизни, и теперь я занят тем, что делаю этот мир ближе к конечному замыслу богини. Поверьте, у каждого вековника, если б они захотели рассказать, была бы для Вас интересная история в коллекцию.

Хено смотрел на служителя церкви с нескрываемой злобой.

— Возможно, мой рассказ зацепил струны Вашей души, мастер Хено? — всё также спокойно, даже умиротворённо, спросил вековник.

Наёмник прикрыл глаза и сделал глубокий вдох. Успокоился. Объяснился:

— Вспомнился один неприятный случай. Но это, — успел вставить он прежде, чем Сигил запросился на новый рассказ, — история не для всех ушей.

Поняв намёк, торговец резко сменил тему.

— А что же взрослые вдохновенные?

— Когда-то давно, ещё при Тевране Третьем, случилось восстание вековников, — пояснил Фрок. — Они собирались свергнуть короля и уничтожить церковь Ашгалона. Затея богохульников не увенчалась успехом, и именно тогда Вестник Брюген выяснил, что взрослые вдохновенные отличаются от тех, кого богиня коснулась ещё ребёнком. Они несут в себе семя злобы и предательства. С дозволения короля было решено поступать так, как мы поступаем теперь — отдаём их на суд богини.

— Тропа отвергнутых, — тихо шепнул Хено.

— Но это же верная смерть! — вскинул руки Сигил.

Роэн в ответ проявил некий скепсис:

— Вы так считаете? Зачем тогда Вам вооружённая охрана?

Торговец понимающе усмехнулся.

Где-то позади послышался тихий стук книжного переплёта. Мирель закончила чтение и, судя по всему, готовилась отойти ко сну.

Сигил проявил интерес.

— Ваша спутница ни слова не проронила за весь поход, Хено. Даже не пришла хотя бы послушать.

— Она не любит покидать город.

— А в этом есть какая-то конкретная причина?

— Причина? — Хено кивнул в сторону вековников. — Та же причина, по которой нам понадобились они.

— Но нельзя же всю жизнь просидеть за городскими стенами в страхе перед сполохами! Мир ведь так велик, а жизнь так коротка!

— Вы правы, Сигил, — он взглянул на напарницу, борющуюся со спальным мешком у себя в палатке, в попытках его ровно разложить, — но боюсь, преодолеть эту стену никому не под силу.

Роэн тоже проявил интерес к наёмнице.

— Странная она.

— Ещё страннее двоих солдат церкви, никогда не снимающих шлемы? — Хено настороженно сдвинул брови.

— Мы не солдаты.

— А по всем признакам так оно и есть. Вы сторожите наш караван, патрулируете улицы Ашгалона, охраняете наши стены. Раньше эту работу выполняла регулярная армия и блюстители.

— Оттого и существует Тропа отвергнутых, чтобы слуг Азары нельзя было использовать для войны. Среди нас лишь те, кто чист душой и присягнул богине.

— Присягнул... — усмехнулся Хено, покачав головой.

Вековник совершенно точно нахмурился под шлемом, испытывая наёмника незримым взглядом. Тот непринуждённо допивал свой остывший напиток, глядя в костёр. Хено уже был не здесь. Его захватила некая мысль, в которую он неосознанно погрузился настолько глубоко, что перестал воспринимать всё вокруг. Огонь задорно потрескивал, каждым таким резким звуком дёргая ниточки воспоминаний, переключая их с одного на другое, будто играл на арфе.

Сигил продолжал что-то бодро спрашивать у служителей церкви, те охотно ему отвечали, иногда иронизировали, периодически шутили. А Хено впитывал лицом жар костра, погружаясь всё глубже в необузданную ярость и в то же время тоску. Ему было ясно, что рассказы вековников — блеф. Хорошо продуманная попытка оправдать те травмы, которые церковь наносит сотням детей, дабы они служили ей верой и правдой до конца их дней. Фанатики, контролируемые одним лишь Вестником. И где-то среди них его сестра.

Он невольно сжал карман, где хранил лист бумаги, полученный от Зодчего.

— Я тут обнаружил фиолетовый гриб возле своей кареты, — слова торговца вывели наёмника из раздумий. — Прелюбопытнейшее явление природы.

— Где конкретно Вы его видели? — быстро выпалил Хено. — Не трогали?

— Ни в коем случае! В пустоши нельзя касаться ничего, что вызывает вопросы. А Вы, я вижу, в курсе, что это такое?

— Это фантея — самый ядовитый гриб, из тех, что встречаются на просторах Ашгалона, — проговорил наёмник, как по учебнику.

— Откуда знаете?

— У меня был хороший учитель. Из рода северных ковчегников.

— Но они давно осели, — удивился Роэн.

— Да. Разбрелись по городам, но знания до сих пор передают тем, кому посчитают нужным.

— Судя по всему, Вы оказались в числе достойных, мастер Хено. Это повод для гордости, мой друг!

— Просто не трогайте гриб. Все услышали?

Они поговорили ещё какое-то время, но во всех уже играла усталость.

— Что ж, — громко сказал Сигил, потянувшись в кресле, — спасибо за приятную компанию. Завтра рано вставать, так что я, пожалуй, пойду спать.

— Я буду дежурить первый, — коротко бросил Хено.

— Нет нужды. Мы с Роэном почувствуем эмирру ещё до того, как она станет сполохом. Лучше мы подежурим.

— Как хотите. Я говорил это своему нанимателю. Не уходите ночью дальше десяти метров отobelиска. Ми... Моя напарница сменит меня через пару часов.

Хено несколько раз обошёл весь лагерь, внимательно изучая местность, а потом задержался возле личной кареты Сигила. Не сразу, но он таки нашёл то место, где торговец ви-

дел фиолетовые грибы.

Наёмник не соврал, Фара учила, что к этим грибам и близко подходить нельзя, но умолчал, что недалеко от них обычно растёт кое-что поинтересней.

И нашёл это.

В нескольких метрах от ядовитых грибов, из-под небольшого валуна выглядывала россыпь маленьких красных цветков. С виду обычные полевые растения, но только на первый взгляд. Он сорвал цветы и кинул их в сторону, а затем копнул кончиком меча чуть глубже. Корень митры — нектар, слаще любых королевских угощений.

Однако, помимо пряного вкуса, это растение имело ещё одно уникальное свойство, о котором знала лишь Фара и те, кому принадлежат знания кочевых племён.

Хено тоже знал и потому бережно собрал всё, что удалось откопать, не забыв поискать вокруг ещё наросты. Это стало единственным и, возможно, уже последним ингредиентом для настоек, который он найдёт в своей жизни, но даже этого было достаточно, чтобы порадовать ту, что на протяжении долгих лет была ему пусть сварливой, но всё-таки матерью. И может, хоть тогда она согласится поставить на его чердаке ванну.

Чтобы не привлекать лишнего внимания к каравану, Хено потушил костёр, как только все ушли спать. Обелиск он тоже, на всякий случай, прикрыл куском ткани, чтобы его

свечение не выдавало лагерь.

Мирель сидела на краю повозки с провиантом, подстелив плед. Она поджала под себя замёрзшие ноги, а руки, облачённые в тонкие перчатки, спрятала в складках серого шарфа. Однако холод всё равно пробирался под ткань и кусал кожу, заставляя девушку подрагивать.

После очередной попытки укутаться посильнее, ей вдруг показалось, будто слева что-то шевельнулось. Мирель даже не успела повернуть голову, когда ощутила, как нечто тяжёлое и тёплое упало ей на плечи.

Пальцы рефлекторно легли на рукоять меча. Наёмница подскочила и уже была готова обнажить оружие, но вдруг замерла, увидев блеск звёзд, отражённый от забрала шлема вековника. Несколько мгновений она даже не дышала.

— Спокойно, госпожа, — Роэн поднял руки и коротко представился.

Затем наклонился, чтобы поднять свалившийся с плеч девушки плед.

— Не хотел напугать, — голос его был мягким и спокойным. — Вижу, мне не показалось, что Вы замерзаете, — добавил он, глядя на её посиневшие губы.

Вековник протянул наёмнице плед, который та с некой опаской приняла, отпустив наконец рукоять меча. Ткань украшали церковные символы, плед был тёплым, мягким и пах храмом Азары. Мирель с удовольствием вдохнула пьянящий аромат.

— На Вас холодно было смотреть. Господин Фартеццо рассказал, что Вы имеете некоторые трудности с голосом. Если простынете, то можете вообще его лишиться, — Роэн дружелюбно улыбнулся. — Не думали обратиться к церковным лекарям с этой проблемой?

Девушка мотнула головой.

— Ясно. Что ж, не буду настаивать.

Повисла тишина, нарушаемая лишь шелестом травы на ветру. Где-то недалеко ухнул филин, заставив Мирель насторожиться.

— Я так понял, Вам нечасто доводилось покидать городские стены. Иначе Вы бы взяли с собой одежду потеплее. В пустоши холода приходят раньше, а ветра тут злее.

Мирель посмотрела туда, где в палатке, в десятке метров отсюда, спал её напарник. Затем перевела взгляд на Роэна. Тот заметил странное поведение девушки — не враждебное, но настороженное. В её движениях ощущалось нечто большее, чем обычная дрожь от холода.

— Помню из детства, что в моей деревне первый снег приходил уже к середине осени.

Ответом ему была тишина.

— Оба вы необычные. Я заметил, Ваш напарник не особо любит вековников. Чувствуется, что у него какая-то неприязнь к нашей церкви. А что Вы, госпожа без голоса и имени? Вы верите? — не оскорбление, добрая шутка, которую Роэн подкрепил не менее доброй улыбкой.

Ветер тронул высохший куст неподалёку, нарушив тишину лёгким шуршанием веток друг о друга.

Мирель нахмурилась, будто не могла решиться хоть как-то отреагировать на слова вековника. Глубоко вдохнув холодный воздух, она всё же повернулась к нему и взглянула в тёмные прорези забрала. В её глазах мелькнул интерес. Она кивнула.

— Я рад этому. Знаете, мы нечасто можем поговорить с кем-то, кто не принадлежит храму. Люди почему-то сторонятся нас и в то же время смотрят с благоговением, от которого мне становится не по себе. Но иногда я встречаю в их взглядах грусть или даже злобу. Мы всегда можем отличить тех, кто не хотел отдавать своего ребёнка в церковь. Возможно, если бы они знали, как хорошо в стенах храма кормят, то относились бы к нам лучше.

Последние слова он сказал в шутку, пытаясь разбавить тоску.

Мирель прикрыла глаза, улыбнувшись так, будто вспоминала нечто приятное.

— Могу я поделиться кое-чем? — тем временем продолжал Роэн. — Мне почему-то кажется, что Вы не из тех, кто будет рассказывать чужие секреты.

Ответом ему вновь был кивок.

— После того, как я стал вековником, мне захотелось найти свою мать. Церковь забрала её в нашу лечебницу для умалишённых. Иногда у меня возникали мысли — а что если

бы я вернулся домой? Если бы мне удалось вылечить мать, то, возможно, братья простят меня за смерть отца. И потому отыскал её. Может, сними я шлем, она бы узнала меня, но нарушить клятву, данную Азаре, было выше моих сил. И тогда я подумал, что, быть может, вдохновение — это не дар, а испытание нашей веры?

Мирель с интересом слушала.

— Думал, с годами станет легче. Что однажды испытания закончатся, позволив просто выполнять свои обязанности. Но шли годы, взгляды простых горожан оставались прежними, а мать вскоре умерла. Сейчас я убеждён, что Азара будет испытывать мою веру на прочность всю жизнь. У Вас когда-нибудь бывали такие мысли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.